

СЕРГЕЙ БУЛЫГА

ТЕНЬ СЕРЕБРЯНОЙ ГОРЫ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Сергей Булыга

Тень Серебряной горы

«ВЕЧЕ»

2019

Булыга С. А.

Тень Серебряной горы / С. А. Булыга — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8414-8

1737 год, времена правления грозной императрицы Анны Иоанновны. Далеко в Сибири, в Нижнеколымской крепости тамошний комендант капитан Макаров готовится к походу на поиски так называемой Серебряной Горы. То, что произошло в дальнейшем, считается одним из самых загадочных эпизодов многочисленных русско-чукотских войн. Новый роман известного мастера приключенческого жанра.

ISBN 978-5-4484-8414-8

© Булыга С. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Алексеевич Булыга

Тень Серебряной горы

© Булыга С.А., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

15 апреля 1737 года в Сибири, в Нижнеколымской крепости, тамошний комендант капитан Василий Макаров сидел у себя дома за столом, смотрел в окно и пил водку. Водка совсем не согревала. И закуска тоже была дрянь – рыба с душком. Эх, только и подумал капитан, налил вторую, выпил... И снова ни о чём хорошем не подумалось. А что! Ничего ведь у них в крепости не происходит, не меняется. Сколько уже лет церковь у них стоит пустая? А вот как отец Авраамий преставился, так никого вместо него не присылают! А что Степанида, уже совсем в сердцах подумал капитан. Третий год она ему законная жена, а всё ходит тощая да тощая! Черепухин говорит, что её сглазили. Ну, это могли, конечно. Это их главному шаману запросто, он, если захочет...

Да! И, не додумав, не хотелось даже думать, капитан нахмурился и снова посмотрел в окно. Окно было заиндевевшее, ничего через него рассмотреть было нельзя, но зато оно было с настоящим стеклом, капитан очень гордился им, а соседский чукотский тойон, как ему передавали, спрашивал у своих людей, как можно добыть это сокровище, сколько нужно воинов туда, то есть сюда, послать, чтобы добыть его?

И вдруг капитан почувал: чукчи идут с их стороны по морю на байдарках, и скоро свернут вверх на Колыму. Байдары у них кожаные, лёгкие. Капитан прищурился, начал считать. Насчитал их восемнадцать. И на головной байдаре, на корме, увидел капитан, сидит сам Атч-ытагын, их тойон, или князёк по-нашему. Но на князька он обижается, говорит, зовите меня просто князь, или тойон. И мы зовём его тойоном. У него много людей! Когда они все садятся в байдары и подплывают к стойбищу, море выплёскивается из берегов, так они говорят. А говорить они горазды! Подумав так, капитан ещё раз выпил водки, поставил чарку на стол и прислушался. Слышался какой-то странный шум издалека. И это были не чукотские байдары, откуда им здесь сейчас взяться, ещё же только середина апреля, море ещё, может, только месяца через полтора-два откроется, а пока по морю можно ездить разве что на собаках.

И вот это они и шумят! Да-да, подумал капитан, это собаки, уже на посадке. Три упряжки. Кого это чёрт принёс в такую пору, озабоченно подумал капитан, неужели кто-нибудь заворовал? Только этого ему сейчас и не хватало! Капитан сердито встал из-за стола, надел шапку, поправил саблю у пояса и пошёл к двери. В сенях было темно, как в могиле. Собаки лаяли всё громче. Кого это в самом деле принесло, сердито думал капитан, две почты из Якутска в эту зиму уже было, неужели это третья? Что у них там стряслось, думал он, выходя на крыльцо и походя осматривая двор. Посторонних во дворе не было. Ворота были закрыты. Возле ворот стоял, сутулясь, Черепухин и слушал чью-то речь с той стороны ворот. Рядом с Черепухиным стояли двое караульных, Орлов и Михеев, оба с ружьями, как полагается.

Черепухин обернулся к капитану и начал громко докладывать:

– Ваше благородие, приехал человек из Петербурга. Что делать?

– Откуда? – не поверил капитан.

– Из Петербурга, – повторил Черепухин. – Так у него и в подорожной записано, – и он показал скрученный в рульку листок.

Через щель, наверное, просунули, подумал капитан, и вон аж откуда принесло, зачем?! Но вслух сказал просто:

– Открывайте.

Орлов и Михеев начали открывать ворота, Черепухин им не помогал, конечно. Ворота открылись, и во двор въехали три собачьих упряжки со всяким добром, а рядом с упряжками шли трое. Переднего идущего капитан сразу узнал – это был Евлампий Сидорук, казак из соседнего острога, Алазейского, за ним шёл его старший сын Егорка, а уже за тем какой-то странный то ли господин, то ли промышленник, то ли купеческий служка, одетый очень тепло.

Даже не одетый, а наверхенный, будто кочан капусты. Молодой ещё, подумал капитан, смазливый, но здесь ему не по столичным проспектам шлындать, девок тискать. Капитан сердито хмыкнул, повернулся и увидел Степаниду. Она стояла совсем рядом с ним и тоже смотрела на приехавших. Смотрела с большим интересом.

– О! – сказал капитан. – И она уже здесь!

И больше ничего не говоря, отвернулся и пошёл вниз по крыльцу. День был морозный, солнечный, падали большие редкие снежинки. Выйдя на середину двора, капитан остановился и ещё раз посмотрел на того незнакомого ему господина, а потом на Черепухина – и поднял руку. Черепухин подошёл к капитану и подал ему рульку. Капитан медленно развернул её и начал читать. Написано там было вот что:

По указу Её Императорского Величества Самодержицы Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая, от Якутска до Зашиверска и до Среднеколымска, и до Алазеи, и до Нижнеколымска давать по ямам нашему штатному адъютанту Григорию Осокину по две подводы с проводниками без всякого задержания и остановки, имая повёрстные деньги по указу, а именно на 10 верст по две копейки на каждую лошадь. А где лошадей нет, там давать уездные подводы, имая повёрстные деньги по полденьги на три версты, а без прогонов подвод не давать.

Дано в Якутске декабря 9 дня 1736 году.

Секретарь Иван Терентьев,

Смотрел Кузьма Богданов.

Адъютант, подумал капитан, что это за птица такая, и ещё раз перечитал подорожную, но про адъютанта снова ничего не понял. И Петербурга не было написано. Ладно, подумал капитан, чёрт с ним, перевернул подорожную, там была видна печать якутской воеводской канцелярии и отметки, сделанные в Зашиверске, Среднеколымске и Алазее. Капитан посмотрел на адъютанта. Тот сказал:

– Господин капитан, как я понял? Василий Юрьевич Макаров, так?

Капитан помолчал и ответил:

– Да, так.

– А я к вам из Петербурга! – бодро продолжил адъютант, улыбаясь. – Можно сказать, от самой государыни. Когда я в дорогу снаряжался, меня и моих товарищей сама царица провожала, напутствовала.

Капитан ничего на это не ответил, а только убрал подорожную, строго вздохнул, отстегнул от пояса связку ключей и бросил их Черепухину. Черепухин их ловко поймал, развернулся и пошёл к съезжей. А адъютант туда пока что не спешил. Сперва он повернулся к Евлампии и стал ему что-то объяснять вполголоса, указывая на поклажу в нартах, и только потом уже пошёл за капитаном.

В съезжей было холодно и сыро. Капитан остановился посреди хоромины, понюхал воздух и покачал головой. Орлов и Михеев стали вносить вещи. Вещей было не так и много, но капитан всё равно недовольно скривился. Вошёл адъютант, снял шапку и сказал:

– А здесь тепло.

Капитан понимающе хмыкнул, обернулся к Черепухину и велел растапливать. Черепухин кинулся к печи. Печь быстро занялась. Адъютант подошёл к ней и начал греть руки. Капитан молча смотрел на него. Адъютант заговорил:

– Великое дело начинается. Всея Европе на зависть. Двадцать пять академиков, сорок адъютантов двинулись измерить и положить на карту берега, ранее неизвестные и недоступные, именуемые северными ледовитыми. Но коли государыня велела...

И он замолчал. Капитан тоже не сразу сказал:

– Слыхали. Три года тому назад была бумага. Про командора Беринга и про его команду. Собирались отправить их посмотреть, соединяется ли Азия с Америкой.

– Но тогда было только начало! – воскликнул адъютант. – А теперь это дело решённое. Господин Дмитрий Лаптев, морского флота лейтенант майорского ранга, одновременно со мной выступил из Якутска и, как я думаю, уже недели две как прибыл к Ленскому устью. А там уже всё готово, и люди, и корабль, и они на этом корабле проследуют вдоль здешних берегов и вскоре придут сюда, в Нижнеколымск. А мы тут должны будем встретить их так, чтобы они могли и дальше плыть, а это за Большой Баранов камень, и за Шелагский нос, а после за Большой Чукотский нос, ну и так далее. И вот для этого нам теперь надобно...

И он опять замолчал. Капитан просто спросил:

– Голодный?

Адъютант кивнул, что голодный.

– Михеев! – строго сказал капитан. – Иди скажи моей: гость в доме!

Михеев вышел. Капитан посмотрел на Орлова, и тот тоже вышел.

– Сейчас будет веселей, – сказал капитан. – Перекусить, это первое дело.

– Э! – сказал, спохватившись, адъютант. – Мне нужно срочно составить рапорт. Мне нужны бумага и перо.

Капитан повернулся к Черепухину. Черепухин полез в шкафчики, нашёл, что было нужно, и подал адъютанту. Адъютант к тому времени уже наполовину расшпилился и стал похож на человека, поэтому он сразу сел и начал писать. Капитан скосил глаз на бумагу. Адъютант писал не по-нашему.

– Что это? – строго спросил капитан.

– Это рапорт господину Миллеру, – ответил адъютант, остановив перо. – Господин профессор Герхард Миллер весьма уважаемый в Санкт-Петербурге учёный, государыня выписала его из Германии, а сейчас он в Кяхте, на Аргунском сереброплавильном заводе. Он мой непосредственный начальник, я посылаю ему рапорты с каждого нового места. Мы, все адъютанты, посылаем, а господин Миллер сводит наши рапорты воедино и отправляет государыне. Вот сейчас я напишу про вас, и государыня про вас прочтёт!

И адъютант улыбнулся. А капитан напротив нахмурился и строго сказал:

– Не надо.

– Почему?

– У государыни и без того забот хватает.

Адъютант пожал плечами и продолжил писать. Через некоторое время он спросил, на месте ли Евлампий, не уехал ли. Черепухин вышел на крыльцо, вернулся и сказал, что не уехал. Тут же опять открылась дверь, и бабы начали вносить закуски. Адъютант стал торопиться. Капитану стало весело, но виду он не подавал. Адъютант закончил рапорт, разогрел сургуч, запечатал письмо и велел позвать Евлампия. Черепухин позвал. Адъютант отдал Евлампию письмо, велел хранить его бережно, после поблагодарил Евлампия за службу и дал ему пятиалтынный. Евлампий стал его благодарить, адъютант только махнул рукой.

Когда Евлампий вышел, капитан строго сказал, что баловать людей негоже. Адъютант покраснел, но смолчал. Потом, как будто только вспомнил, велел подать ему его, как он сказал, крокодиловую сумку. Черепухин подал, и адъютант вытащил из неё и подал капитану толстое письмо с двумя гербовыми вислыми печатями. От государыни, невольно подумал капитан, свёл брови и рукой показал Черепухину выйти. Тот вышел. Капитан снял шапку, отложил её, осторожно вскрыл письмо и посмотрел на адъютанта. Адъютант придвинул к себе миску с кашей, начал есть. А капитан, ещё немного помолчав, стал медленно, вполголоса читать:

Правительствующий Сенат, слушав доношения Адмиралтейской коллегии, в которых показано, что по требованиям отправленных, по силе Именного указа, состоявшегося в прошлом 1732 году апреля 17 числа, из Адмиралтейской коллегии морского флота лейтенантов

Муравьёва от города Архангельского для отыскания прохода морем в реку Обь, Овцына от Тобольска для такого же изыскания прохода Обью рекою в Северное море и Лаптева для изыскания прохода из уже сказанного Северного моря до Чукотского Носа и дальше вокруг Азии, и по определению той коллегии велено для наилучшей пользы ко исполнению тех экспедиций, а именно: по требованию Муравьёва...

– Это не читай, – сказал адъютант. – Читай сразу про Лаптева.

Капитан порыскал по письму, нашёл про Лаптева и продолжал:

...По требованию Лаптева, Нижнеколымской крепостной канцелярии 1. К нынешней весне построить две дупель-шлюпки и приуготовить на полгода провианта да на год медикаментов; 2. Чтобы во учреждение на берегу маяка посланному из геодезистов прапорщику из Якутска чинено было всякое вспоможение; 3. Отрядить к заготовке лесов и постройке казарм работных и мастеровых людей в нужном числе; 4. Отправить от гарнизонного командира солдат для надлежащих посылок и к вспоможению в нагрузке и выводе из реки судов и в прочем; 5. Ежели потребует тот Лаптев на те дупель-шлюпки десять человек солдат, то оных дать, удовольствовав жалованьем; 6. Служителям каждому в день выдавать по чарке вина; 7. Ради приласкания инородцев, кои браны будут с оленями и с собаками, в награждение дать им вина, муки, табаку, холста и прочих подарочных вещей...

Тут капитан остановился, перевёл дух и спросил:

– Всё?

– Всё, – кивнул адъютант, отодвинул пустую миску и тут же придвинул вторую, полную.

– А что это ещё за геодезист из Якутска? – спросил капитан.

– Это я, – сказал адъютант, принимаясь за вторую миску. – Другого не смогли найти, другой с Миллером уехал, в Кяхту. И так даже лучше. Я же здесь всегда буду под рукой, пока Лаптев не приедет.

– А когда можно его ждать?

– Обещался к зиме. Если море будет чистое.

– Э! – усмехаясь, сказал капитан. – Море у нас почти никогда чистым не бывает. На то оно и Ледовитое.

– Ну... – только и сказал адъютант и замолчал.

И уже не принимался за еду. А капитан опять начал читать указ, но теперь уже не вслух, а про себя. Потом, повернувшись к адъютанту, сказал:

– Казарму мы поставим, это нам дело привычное. Провиант тоже найдём. И собак с оленями. Ну а про маяк я буду с тебя спрашивать.

– А что маяк?! – сказал адъютант. – Выбрал на берегу место повыше, по приметнее, поставил сруб, сверху крест, вот и всё.

– Ну, может быть, – сказал, подумав, капитан. – А дупель-шлюпки, это что такое?

– Да шлюпка как шлюпка, – ответил адъютант. – Только дупель, то есть в два раза длиннее. И с палубой. И с двумя мачтами. На мачтах косые паруса и бегучий такелаж как на кораблях третьего и четвёртого ранга.

– Так какая это шлюпка?! – сказал капитан. – Это уже фрегат какой-то!

– Нет, это шлюпка! – твёрдо повторил адъютант. – У неё по каждому борту по двенадцать вёсел. Где ты видел фрегаты с вёслами? А здесь у вас для тонкого манёвра вёсла очень пригодятся.

– Ну, может быть, – сказал капитан. – Но мы до весны, то есть, как я понимаю, до открытия нынешней навигации, такого сделать не успеем. Да и не сможем. Нет у нас таких мастеров корабельных. А если запрашивать их из Якутска, то это ещё полгода ждать.

– Зачем кого-то ждать?! – сказал адъютант. – Надо самим браться. У меня есть чертежи из Адмиралтейской коллегии. Там же тоже понимают, что дупель-шлюпка – это дело новое, неосвоенное, человеку надо к нему приспособиться.

С этими словами он потянулся к своей, как он её называл, крокодиловой сумке, раскрыл и начал доставать оттуда чертежи. Капитан стал их рассматривать. Чертежи были густо исчерканные, непонятные. Капитан в сердцах сказал:

– Сколько здесь сажень лесу вбухано!

– Корабли на кубические сажени не считаются, – строго сказал адъютант. – А на водоизмещение!

Капитану стало ещё горше, он громко вздохнул.

– Э! – весело сказал адъютант. – Не дрейфь, как говорят на море. Когда великий государь из Голландии вернулся, вот тогда была действительно беда! Тогда никто во всей державе не умел строить корабли. А теперь что? Теперь насмотрелись всякого. Так что только кликни клич, поспрашивай, пообещай – и нужные люди сами найдутся.

Капитан насупился. Он очень не любил, когда его поучают. А тут адъютант вдруг ещё и спросил:

– А как у вас тут, тихо? Иностранцы не шалят?

– Пошаливают, – нехотя ответил капитан. – Но немного.

– А раньше было много?

– Раньше было по-всякому, – уклончиво ответил капитан. – А что?

– Так, – так же уклончиво ответил адъютант. – Мне в Якутске про ваши места тоже говорили всякое.

– А! – сердито сказал капитан. – Брехня всё это. Да и привыкаешь быстро.

– А... – начал было адъютант, помолчал, потом спросил: – А сколько у тебя солдат?

– Достаточно, – строго ответил капитан. – И казаков тоже достаточно, и иностранцы это знают. Но попробовать могут, конечно. Они воины горячие! Знаешь, как они копьё бросают? На двадцати пяти шагах пробьёт на тебе кольчугу, и ещё со спины копьё выйдет.

– Кто это в кольчуге сейчас ходит? – удивился адъютант.

– Как кто? Я хожу! – ответил капитан. – А у господина майора Павлуцкого, Дмитрия Ивановича, кольчуга в пять колец, да ещё заговорённая, ей никакое копьё не страшно, в неё хоть подойди и тыкай, не пробьёшь. У нас здесь не Петербург, вот так! На кольчужки спрос имеется, да и ещё какой! Когда мы в тридцать первом году...

Но тут капитан замолчал и нахмурился. Долго сидел недобрый и задумчивый, потом вдруг просветлел, махнул рукой, осмотрелся по столу, увидел чарки и кувшин, налил по полной и сказал:

– Со знакомством.

Они выпили. Капитан закусил корешком и спросил:

– А что такое адъютант?

– Это помощник профессора, – важно ответил адъютант.

– А кто такой профессор?

– Это генерал в Академии. Мудрец из мудрецов. С ним даже сама царица не спорит.

– Ну, тут ты хватил!

– Хватил немного, да, – не стал спорить адъютант и тотчас же спросил, уже с улыбкой:

– А его превосходительство обер-кригс-комиссар армии Макаров Кузьма Васильевич, равно как и его брат Алексей – это твоя родня?

– Нет, – мрачно ответил капитан. – Мы из других Макаровых, смоленских. А ты из каких Осокиных, из казанских или из калужских?

– Нет, я не из тех и не из других, – не очень охотно, ответил адъютант. – Из преображенских я. Второй батальон, третья рота. Батюшка мой там служил. А я закончил солдатскую школу, потом меня в Германию отправили доучиваться. И вот, – тут же продолжил он, и это уже даже чрезмерно громко, – теперь живу я в столичном городе Санкт-Петербурге, на всем известном Васильевском острове, прямо напротив государынева дворца. А служу я в импера-

торской Академии наук, я там числюсь старшим адъюнктом, то бишь вице-профессором по классу ботаники и натурофилософии. Вот так! – уже совсем задиристо закончил он и даже резко мотнул головой.

Больше ему не наливать, подумал капитан, а вслух сказал:

– Ну что, тогда, может, пора уже и отдохнуть? Я велю, и тебе здесь постелят. И как следует натопят.

– Нет-нет! – поспешно возразил адъюнкт. – У меня ещё много дел. Я ещё не заполнял журнал, а у нас с этим очень строго.

– Что за журнал? – спросил капитан.

Адъюнкт осмотрелся, увидел на краю стола свою так называемую крокодиловую сумку и жестом попросил подать её. Капитан подал. Адъюнкт вытащил из сумки толстую потёртую тетрадь в просмоленном, так называемом клеёнчатом переплётё.

– Вот он, – сказал адъюнкт, – называется «Журнал каждого дня», я здесь от самого Якутска записывал, какая погода каждый день была, и какой воздух, и какие были в небе знаки, и через какие места шли, и какой дорогой. И так буду и здесь каждый день заполнять, и потом на обратном пути до самой Кяхты, а уже там отдам господину профессору. – И тут же продолжил: – Господин капитан! Вели, чтобы нам свечей подали.

Капитан смотрел на адъюнкта и молчал. Адъюнкт уже совсем не казался ему крепко выпившим. Вид у адъюнкта был, напротив, почти что совершенно трезвый, вот только он был несколько обеспокоен тем, что с его журналом вышла некоторая незадача. Сумасшедшие они там все какие-то, с раздражением подумал капитан, встал и позвал, как он сказал, кого-нибудь.

Пришёл Орлов. Капитан велел подать свечей. Орлов искал в шкафчиках, нашёл, засветил и подал. Адъюнкт сел с краю стола, на не заставленном мисками месте, раскрыл журнал и начал записывать. Записывал он крайне мелко и непонятно. Капитан спросил, может, ещё чего велеть. Адъюнкт сказал, что больше ничего не надобно. Тогда капитан сказал ему, что «этот солдат», то есть Орлов, поступает в полную его, адъюнктову, команду, а пока ещё он сам велел Орлову, чтобы тот приготовил для господина петербургского учёного постель в задней каморке и протопил бы там как следует, и ещё чтобы расставил его вещи.

– Нет! – сразу же сказал адъюнкт, прервав запись. – Ничего не трогать! Сядь, братец! – сказал он Орлову. – Не мешай!

Орлов сел. Адъюнкт продолжил записывать. Капитан сказал, что, как ему кажется, всё мало-помалу наладится, и если, не дай бог, вдруг что, то его всегда можно позвать, а пока что он откланялся и вышел.

Во дворе уже смеркалось. На воротах стояли Козлов и Меркулов. Капитан сказал, чтобы смотрели зорко, и прошёл к себе, поднялся на крыльцо, вошёл.

Степанида сидела за пяльцами. Степанида была женщина высокая, красивая, породистая, капитан её крепко любил и даже немного приревновывал. Но не к адъюнкту же! Поэтому когда Степанида про него спросила, капитан честно ответил, что адъюнкт – малый ловкий, не промах, своё дело знает. А что за дело, спросила Степанида. Но тут капитан промолчал, потому что дело было государственной важности. Степанида это поняла, не стала переспрашивать, а даже сама сказала, что казак Евлампий, привёзший, как она сказала, господинчика, сказал, что он у них там в Алазее всех за неделю донял, везде лез с вопросами, поэтому они все были очень рады, когда он собрался уезжать от них. А что он за вопросы задавал, спросил капитан. А ты спроси у Евлампия, сказала Степанида, он ещё не уезжал. Но капитан не стал искать Евлампия, сказал, что если будет надо, он сам во всём разберётся, и пока что сел к столу, достал сенатскую бумагу, ещё раз её перечитал и задумался. Смешные люди эти петербургские, думал капитан, да чего там узнавать, это и так всем известно, Атч-ытагын не раз рассказывал, что по ту сторону Чукотского носа стоит такой же Алеутский нос и чукчи раз от разу туда плавают, когда по коммерческим делам, а когда и по военным, а после возвращаются с большой добычей, и

это для них очень важно, говорит Атч-ытагын, а вот как называется та земля, им дела нет, может, это и Америка, он говорит, а может, Азия, потому что это дела не меняет, а соболей там как не было, так и нет, и не будет, зато есть морские бобры, называются каланы, и у них мех ещё лучше соболиного, и когда их привозили в Кяхту, китайские купцы давали за них очень большие деньги, но ты только попробуй им продай – и тебя сразу на дыбу, потому что всё это казённое и монопольное! А так бы, конечно, да...

И капитан сидел, смотрел на сенатскую бумагу и нет-нет да и повздыхивал. Потом, после ужина, он выходил покурить на крыльцо, видел, что в съезжей горит свет, сердито посасывал трубочку и удивлялся тому, что же это можно так долго записывать. Потом увидел, что и у Черепухиных в окне тоже светло, и разозлился ещё пуще, потому что, подумал, Черепухин дурак дураком, и жёнка у него косоглазая, дети золотушные... А вот зато свои дети! А у них со Стёпкой кто? Никто!

И ночью, ну, да после всего этого, капитан долго молчал, стеснялся, а потом тихо спросил: – Ну что?

Стёпка не сдержалась и заплакала. Капитан взялся её унимать, гладил по лбу, по щекам, и молчал, потому что знал по опыту, что Степанида очень не любит, когда говоришь словами. И так они молча, обнявшись, заснули.

Глава 2

Назавтра утром капитан встал, как обычно, рано, взял тёплой воды, побрился, вышел завтракать. Стёпка сказала, что его ждёт Шалауров.

– Подождёт! – строго ответил капитан.

Пододвинул миску, начал есть. Спросил, не слышно ли чего про петербургского.

– Нет, ничего, – сказала Стёпка. – Крепко дрыхнет!

Капитан согласно покивал. Доел с аппетитом, хлопнул чарку казёнки, встал, пошёл к порогу обуваться, одеваться. Стёпка подала ему ремень и саблю. Он подпоясался, кивнул Стёпке, даже подморгнул, и вышел.

В сенях его и в самом деле дожидался Шалауров Никита Павлович, тамошний самый крепкий купец, очень ловкий, просто шельма. Он и тут не постеснялся, а сразу кинулся наперез и зачастил:

– Батюшка Василий Юрьевич, не вели голову рубить, вели слово молвить! Говорят, вчера к нам человек из Петербурга приехал, и у него дело, так ведь я, если что...

Капитан медленно остановился, осмотрел Шалаурова с головы до пят, после опять глянул ему прямо в глаза и строго спросил:

– Кто тебе это сказал?

– Все говорят, – ответил, будто бы смущаясь, Шалауров.

– Вот у них тогда и спрашивай, – сказал капитан и, отстранив купца, прошёл дальше.

Там он вышел на крыльцо и повернулся к казарме. А уже дальше там, возле казармы, на плацу, то есть на утоптанной полянке, стояло его воинство, десять солдат Якутского драгунского полка, первый батальон вторая рота, под началом сержанта Петра Ситникова. Ровно десять, с досадой подумал капитан, так что если отдать Лаптеву тех десять требуемых солдат в помощь, то с кем он, капитан, тогда останется? С одним Ситниковым, что ли? Капитан не сдержался и хмыкнул. И это получилось как команда, потому что Костюков сразу поправил барабан и начал бить зорю, а все остальные подтянулись. Капитан прошёл к ним и остановился. Ситников выступил вперёд и начал докладывать, что за прошедшее время во вверенной ему команде никаких нарушений не усмотрено, потерь нет, беглых нет, все здоровы и готовы к дальнейшему несению службы. Капитан кивнул. Из строя вышел Гуськов, подступил к флажку, откозырял и, дёргая за верёвку, начал поднимать прапор. Все взяли на караул, и только Костюков бил в барабан. Когда прапор был поднят, капитан ещё немного подождал, и только уже после скомандовал вольно и спросил, нет ли у кого каких жалоб. Все молчали. Капитан обернулся. Шалауров стоял на крыльце.

– Ладно, – сказал капитан. – Пока все свободны. Но на тебя, Меркулов, поступила жалоба. Ещё вчера. Повторится – будешь у меня сидеть, скотина!

И развернулся, и пошёл к крыльцу. Никто ничего не спрашивал, все и без того знали, что вчера ещё с утра Меркулов напился до чёртиков, пришёл домой и бил жену смертным боем, соседи её чуть отстояли. Капитан такого очень не любил, и он сейчас посадил бы Меркулова, и дал бы ему батога сколько надо, да не хотел он отвлекаться, и так дел собралось, подумал, вон сколько! И пока он это думал, подошёл к крыльцу. Шалауров медленно посторонился. Капитан прошёл мимо него, и, входя, не закрыл за собой дверь. Шалауров проскользнул за ним.

Капитан вошёл в горницу, расстегнулся и осмотрелся.

– Отслужил? – спросила Степанида.

– Отслужил, – ответил капитан. – Да не совсем.

И оглянулся на Шалаурова. Шалауров засмущался, но всё равно не стал молчать и начал:

– Я так понимаю, ваше благородие, что люди из Санкт-Петербурга к нам просто так езживать не станут. Значит, им что-то от нас нужно. А что у нас есть? Ничего. А если что и есть, то

всё казённое, и в Санкт-Петербурге это знают. А едут! Значит, им что-то другое нужно. Значит, они хотят что-то своё у нас устроить. Вот, скажем, лабазы, чтобы было куда ясак складывать. Но только что у нас тут сложишь? Всё уже давно сложили и выпотрошили. Значит, они хотят идти дальше, и этот их вчерашний господинчик для того сюда и явился: дальше дорогу выведать – от нас через Чукотскую землю и дальше через море в землю Алеутскую. Так?

Капитан молчал. Потом спросил:

– Ну и что?

– А вы садитесь, ваше благородие, садитесь, в ногах правды нет, – улыбаясь, сказал Шалауров.

Капитан сел к столу боком, снял шапку. Шалауров, стоя, продолжал:

– И вот что я думаю: это они через нас думают новую дорогу проторить – по морю. Сейчас кругом про это говорят! Вот мне недавно рассказали, из Охотска, что-де прибыл туда капитан-командор, корабль строит, хочет идти в Америку. Так же и с Камчатки слух пришёл, из Большерецка, что и там тоже собираются в Америку. А мы чем хуже? Да мы даже лучше! От нас ближе! Да ты, ваше благородие, спроси у друга своего, у Атч-ытагын-тойона, и он расскажет, что если вдоль берега идти по Студёному морю встречь солнцу, то за неделю и дойдёшь, если много льда не будет. Так или нет?

– А что так? – спросил капитан.

– А так, что им здесь лабазы нужны! И казармы! И маяк! И обученные люди! И всё это кто-то должен строить! И я бы взялся за это! Я бы рискнул! А что! Ведь для того же он приехал, ваше благородие, я чувую! Ведь разве не так?

Капитан молчал, крепко задумавшись. Долго молчал, даже поглядывал на Стёпку, а потом сказал:

– Ну, ладно. Тут надо ещё подумать. И спросить у господинчика, сколько их к нам едет, и зачем, и как.

– Это как водится! – ответил Шалауров радостно. – Это давай пойдём!

– И Черепухина возьмём с собой! – прибавил капитан. – Черепухин пособит считать.

– И Черепухина, – уже без всякой радости повторил Шалауров.

Капитан поднялся, и они пошли к сениям. Шалауров был немного покрасневшийся, как после водки, и глаза у него нет-нет да посверкивали. Эх, думал капитан, не дать бы маху, одна надежда на дурака Черепухина. Так они вышли на крыльцо. Там капитан остановился, осмотрелся и увидел, что при воротах стоят Мешков и Синельников, а возле них толчётся Черепухин. Вот какой удивительный человек, подумал капитан, – всегда под рукой, когда надо. Но это он только в душе так обрадовался, а на словах строго сказал, чтобы Черепухин шёл за ним.

И тот пошёл. Так они, уже втроём, подошли к съезжей, и капитан уже взялся было за ручку двери, но вдруг передумал, велел, чтобы его подождали, и оставил Черепухина и Шалаурова на крыльце, а сам пока вошёл один. На всякий случай!

И случай случился. Но не сразу, а вначале капитан осмотрелся и увидел, что адъютант уже сидит за столом, в избе крепко натоплено, и поэтому адъютант одет легко. И делает вид, что очень занят. Только головой махнул вместо приветствия! Ну да капитан и этого не сделал, а просто остановился перед столом и начал его внимательно рассматривать. А там было что рассматривать! Там же весь стол был заставлен, даже, правильней, завален всяческими сумками, мешками, мешочками, коробочками, книгами, тетрадями, была там и лучковая пила, и горный молоточек, и ветромер, и корабельный компас, и хронометр, и ещё какие-то мудрёные медные инструменты с линейками, винтиками и зеркальцами, и опять раскрытые тетради и отдельные листы, и штурманские карты, и одна из них была очень забавная, с рисунками. Геодезия, с почтением подумал капитан, и, не удержавшись, потянулся к этой карте, взял её,

повернул к свету и начал, теперь уже подробнее, рассматривать. Там было много надписей. Капитан прочёл вслух:

– «Остров без жителей, полный птиц». – Потом ещё, в другом углу: – «Здесь много лисиц, бобров и корабельного леса». – Потом: – «Здесь жительство чукчей». «Здесь остров населён шелагами...»

А далее не дочитал, но только усмехнулся и сказал:

– Баловство это всё!

– Почему? – спросил адъютант.

– Да потому что сам скоро увидишь. А я уже видел.

– Что видел?

– То, что ничего тут нет. Край света здесь у нас! И больше ничего.

И капитан положил карту обратно на стол. Адъютант взял карту, сложил рисунком внутрь, убрал под другие бумаги и снова посмотрел на капитана. Тот спросил:

– Кто чертил карту?

– Господин полковник Шестаков, – без особой охоты ответил адъютант.

Капитан помрачнел и сказал:

– Шестакова я знал лично. Только он был не полковник, а казачий голова, Афанасий Федотович. Царство ему небесное! – И перекрестился.

– Убили его, что ли? – спросил адъютант.

– А то как же! – ответил капитан, нахмурившись. – Злых людей тут предостаточно. Мы тогда в Анадырске сидели, и тут вдруг это известие. Дмитрий Иванович очень разгневался и сразу велел выступать.

– И что?

– И поучили, конечно. Разорили восемь стойбищ, увели две тысячи оленей. А карта у тебя откуда?

– Он её представил нам в Академию, – сказал адъютант. – Хотел составить экспедицию. Очень здесь много чего интересного.

– А! – только махнул рукою капитан. – Грех о покойнике такое говорить, но что он мог тут начертить? Он половины здешних мест не видел. А рассказать и я могу много чего, а ты за мной только записывай. Вон какие у тебя перья! А инструмент какой! Небось дорогуший?

– Дорогуший, – повторил адъютант. И, указывая на один из медных инструментов, нарочито небрежно прибавил: – Вот эта штукавина, знаешь что это такое? Это квадрант, для измерения высоты стояния небесных светил. Для определения места на карте. Особо точный инструмент! Триста пятьдесят рублей! А вы тут, наверное, всё ещё по астробии определяетесь?

– А зачем нам определяться? – рассерженно ответил капитан. – Нам определяться некогда. Мне ведь что нужно по службе? Чтобы порядок был в крепости и на посаде, чтобы никто не воровал, чтобы ясак собирали, чтобы отвозили его вовремя. А то, что ты мне привёз ту казённую бумагу, так для меня это только одни хлопоты. Дупель-шлюпки им построй, провизии запасы, казарму поставь, маяк... А что маяк? Я маяка никогда не видел. Как я его поставлю?

– Маяк – это моя забота, – ответил адъютант. – Я вчера про это говорил. Да и ставить его мы будем не здесь, а на фарватере.

– На чём? – переспросил капитан.

– На фарватере, – повторил адъютант. – Это значит, там, где они будут плыть, чтобы им было видно, где материковый берег. Потому что что им твоя крепость? Она им не нужна. Им нужен Чукотский нос, они идут к нему, и вот, проходя мимо нас, они должны видеть, что на берегу стоит маяк, а это значит, что они дошли до Колымы и дальше начинается Чукотская земля, незамиренные земли, надо быть настороже.

– Так это что, – спросил капитан, – это чтобы поставить маяк, нам надо будет ехать в устье, что ли? А это сто тридцать верст! Это представляешь...

– Представляю, – ответил адъюнк. – Да и ехать не тебе, а мне.

– Нет, здесь всё моё! – уже совсем в сердцах возразил капитан. – Потому что я здесь за всё в ответе. Вот ты поставишь маяк не на том берегу, и знаешь, что потом может быть? Знаешь, что нам инородцы скажут?!

– А мне до этого нет дела, – равнодушно ответил адъюнк. – Я поставлю маяк там, где выше берег, чтобы было дальше видно. А берег здесь весь, и туда, и сюда, государынин. И мы им это покажем.

Капитан молчал. Стоял, задумавшись. Потом зло сказал:

– Ну да и чёрт с тобой! Да и не за этим я пришёл. А я про наш вчерашний разговор, как всё это дело поднимать.

– И что, нашёл кого-нибудь? – спросил адъюнк.

– Нашёл, – ответил капитан. – Есть тут у нас один бывалый человек, купец второй гильдии Шалауров Никита, который мог бы при определённых условиях за наше дело взяться. Ну а чтобы он не зарывался, есть у меня ещё один тоже не последний человек, мой канцелярист, который ни одной царицыной копейки не упустит и господину Шалаурову спуска не даст. Так что будем делать?

Адъюнк подумал и сказал:

– Зови обоих.

Капитан отступил на пару шагов, открыл дверь, махнул рукой. Вошли Шалауров и Черепухин, сняли шапки, поклонились. Адъюнк не вставал. Капитан его представил:

– Вот, господа, к нам прибыл высокий гость из Санкт-Петербурга, из тамошней императорской Академии наук адъюнк, то бишь вице-профессор, Григорий Осокин.

– Матвеевич, – строго прибавил адъюнк.

– Григорий Матвеевич, – ничуть не смутившись, поправился капитан. – А это, – и он кивнул на вошедших, – Шалауров Никита Павлович, купец второй гильдии, потомственный купец, из устюжских. – Шалауров слегка поклонился. Капитан продолжил: – И моя правая рука, испытаннейший человек, канцелярист Черепухин Илья. – Помолчал и прибавил: – Ильич.

Черепухин поклонился куда ниже Шалаурова. Адъюнк улыбнулся и махнул рукой. Все трое вошедших сели по другую сторону стола и стали невольно осматриваться, так как стол этот, как уже говорилось, был весь уставлен и завален всякими диковинами. Шалауров с уважением сказал:

– Книг сколько! А про что они?

– Которые про что, – с достоинством ответил адъюнк. – Но всё больше философия и математика. А вот таблицы склонений. А вот по штурманскому делу, – показал. – А вот история.

Шалауров молча покивал, а адъюнк уже опять заговорил:

– Как вы сами понимаете, господа, если я приехал к вам в такую даль, то это неспроста, конечно. Дело затеяно великое. Повелела нам государыня сыскать морскую судоходную дорогу из Архангельского города на Белом море до Большерецкого острога на Камчатке. А так как никому одному это в одну навигацию сделать невозможно, то, посоветовавшись с Высоко-правительствующим Сенатом, государыня велела делать сие дело по частям, то бишь разбить эту дорогу на три участка и, соответственно, выслать на её прохождение одновременно три отряда, первый – от Архангельского города до устья реки Оби, второй – от Тобольска до устья Оби и дальше до устья реки Лены, а третий, самый долгий и самый тяжёлый – от Якутска до устья Лены и далее до нас, до Колымы, а там по Студёному морю до Чукотского носа вокруг Азии и на Камчатку! И главенствовать над этим третьим отрядом государыня велела лейтенанту майорского ранга господину Лаптеву Дмитрию Яковлевичу. В прошлом году лейтенант Лаптев

команду над отрядом принял, довёл его от Якутска до устья Лены и там зазимовал, ну а в этом году мы будем ждать его у нас и оказывать всякое вспомоществование для его дальнейшего похода до Чукотского носа и далее до Большерецка на Камчатке. А для этого мы должны сделать вот что!

И тут он, встав, протянул руку к капитану. Капитан достал сенатскую бумагу и подал её. Адьютант развернул бумагу и начал читать пункты, касающиеся лейтенанта Лаптева, то есть опять прочёл про дупель-шлюпки, про маяк, провизию, казармы и про всё другое прочее. Черепухин слушал очень внимательно, а Шалауров, напротив, с усмешкой. Когда же адьютант, закончив чтение, спросил, обратившись к ним, каково их мнение по поводу услышанного, то Черепухин только мельком глянул на капитана и промолчал, а Шалауров всё с той же усмешкой ответил, что это дело не его, а сенатское, поэтому чего ему в него вмешиваться. Адьютант вопросительно посмотрел на капитана. Капитан сказал:

– Ты, Никита, сам же говорил, что интерес имеешь. А теперь что?

– Ну, – нехотя ответил Шалауров, – может, говорил когда-то.

– А вот тут и дело подоспело! – уже в сердцах продолжил капитан. – И его можно взять. А после мы тебе чего-нибудь дадим. Ведь же дадим, Илья Ильич?

– Ну-у, – неопределённо протянул Черепухин. – Можно и дать, а можно и не дать.

– Вот-вот! – воскликнул Шалауров. – Всё это вот так шатается! Вы говорите: взять подряд. А на что? Потому что прежде всего надо знать что? А надо знать, что именно мы строим, где, в какие сроки и на сколько человек. А где в вашей бумаге это сказано? В вашей только руками разведено!

– Ты это, – сказал капитан, – смотри полегче со словечками, а то посадить есть куда!

Шалауров шумно задышал.

– Так дело не решается, – сказал адьютант, опять взял сенатскую бумагу и начал её читать, но уже про себя. А прочитав, сложил её и заговорил теперь уже вот что: – Да, тут не везде всё подробно указано. Ну а как заранее укажешь? Вышли люди в море в таком-то числе, а вернулись в таком-то. Или совсем не вернулись. Как это заранее узнаешь? Вот поэтому в бумаге так указано, а мы уже здесь, на месте, должны предусмотреть всякое.

– Как всякое? – спросил Шалауров. – Да ты скажи хоть примерно: десять их прибудет или сто? А иначе как я буду заготавливать провизию? А как буду казарму строить? Сколько мне на неё нужно брёвен?

Адьютант молчал. Шалауров тихо засмеялся и сказал:

– Вот я соберу на сто человек на год, а прибудет десять. И мне за приписки что, на дыбу? А я на дыбу не хочу. И ещё, – продолжил Шалауров. – А где ставить маяк? Я видел маяк в Архангельске. Он там горит и горит. А кто здесь будет за ним досматривать? А что про него чукчи скажут? Скажут, что мы напускаем на них порчу, скажут, надо его убрать. И уберут! Так, нет?

– Маяк, – сказал адьютант, – это моя забота, я это господину капитану уже говорил. Но тут ещё раз повторю: я буду его ставить и я же буду за него отвечать. Своей головой!

– Когда отрежут твою голову, придут за нашими, – прибавил Шалауров.

– Разговорчики! – воскликнул капитан.

Шалауров опять тяжело задышал. Беседа приближалась к ругани.

– Ладно, – нехотя сказал адьютант. – Тогда сделаем вот как: я, Никита, – продолжал он, обращаясь уже лично к Шалаурову, – я составлю с тобой купчую, у меня на это есть печатка от господина командора, и ты поставишь мне провизии столько, сколько я назначу, и столько же леса, и столько же всего прочего. И я всё это у тебя возьму, а ты потом, уже деньгами, возьмёшь в Якутске в губернской канцелярии. И цены там назовёшь те, которые мы здесь сейчас оговорим. Ну, как?

Шалауров не сдержал улыбки и сказал:

– Согласен! – И тут же спросил: – А на сколько человек будем считать?

– На пятьдесят, – сказал адъютант. Помолчал и объяснил им всем: – Пятьдесят по списку было в прошлом году, когда лейтенант Лаптев принял команду в Ленском устье перед самой навигацией. Так что если даже Лаптев к нам придёт с неполным комплектом людей, то мы его, или того, кто вместо него станет, здесь опять доукомплектуем до пятидесяти. Поэтому считать будем на эту цифру. Где счёты? – Поднял руку и позвал: – Орлов!

Пришёл Орлов со счётами. Шалауров и Черепухин сразу оживились. Орлов прибрал один угол стола, они все кроме капитана туда пересели и только приготовились считать запасы... Как капитан вдруг сказал:

– А как быть с дупель-шлюпками?

– А что дупель-шлюпки? – спросил Шалауров.

– А то, что работёнка там мудрёная, вот что, – сказал капитан. И, повернувшись к адъютанту, прибавил: – Григорий, покажи ему.

Адъютант нахмурился, полез в крокодиловую сумку и вытащил один чертёж, после второй, а после вывалил всю стопку. Шалауров брал лист за листом, рассматривал, после читал, что написано сбоку, мерил картинки пальцами, повздыхивал. Черепухин чертежей не брал, а только поглядывал сбоку. Шалауров продолжал рассматривать. После усмехнулся и сказал, что так сразу ничего не скажешь, и отодвинул от себя листы. Черепухин их собрал и передал адъютанту.

– Надо подумать, – сказал Шалауров. – Раньше, чем завтра, не скажу. – И, повернувшись к адъютанту, продолжил: – А вот про запасы, про маяк и про казармы могу хоть сейчас начать рассчитывать.

– Так и давайте начинать, – ответил адъютант совсем невесёлым голосом.

После чего раскрыл большую толстую тетрадь, начал разлиновывать первую страницу и при этом приговаривать, что всё должно быть честно и прозрачно, каждая буква соответствовать своей цифре – и так далее. А капитан поднялся, вышел на крыльцо, набил трубку и закурил. День был морозный, едрёный. На душе было легко. Капитан покурил и вспоминал, как в тридцать первом году они ходили на коряков, а потом на чукчей, за что его из подпрапорщиков пожаловали сразу в поручики. Хорошая тогда была весна! Наст твёрдый, крепкий! Он ехал сюда по назначению, думал...

А! Капитан махнул рукой и выдул трубку, опять набил её и закурил. Потом, вспомнил, он в Якутске встретил Стёпку, но её отдавать не хотели, пока сам Павлуцкий не приехал сватать. Павлуцкий – это да, орёл, а какая у него кольчуга! А ружьё какое! И чего он здесь торчит? У него брат на Кайсацкой линии полковником, так это же места какие, это же почти что дома, а здесь что? От Якутска до Анадырска почта идёт четыре месяца, даже до Нижнеколымска на три недели быстрее. Эх! Капитан докурив, выбил трубку и вернулся в съезжую.

Там всё продолжали считать. Капитан долго терпел, потом не выдержал, сказал, что за один день такого всё равно не посчитаешь, так что надо отложить до следующего раза. Отложили. Орлов сбегал на поварню, договорился, бабы стали собирать на стол. А как собрали, они сразу сели. Вначале сидели очень скованно, только после третьей чарки понемногу разговорились, адъютант разгорячился, стал рассказывать, как он сладко живёт в столице и как в прошлом году ездил в Германию, начал вспоминать всякие сальности про тамошних девок, все смеялись. Весело было! Только когда капитан пришёл домой, Степанида молча гневалась, капитан не выдержал, начал ругаться на неё. Правда, потом был сам собой недоволен, отвернулся к стенке и молчал как пень. Она вздыхала. За окном выла пурга.

Глава 3

На следующий день, 17 апреля, было воскресенье, первая седмица после Пасхи. Капитан встал, как обычно, рано, собрался, чисто побрился, позавтракал и вышел во двор. День был так себе, с позёмкой. Возле ворот стояли Пыжиков и Тарантуй, а остальные ждали на плацу. Капитан подошёл к ним. Костюков ударил в барабан, подняли прапор, потом они все, уже вместе с капитаном, развернулись и пошли к церкви. Возле церкви стоял Шалауров. О, подумал капитан, какой рачительный, новое дело освятить пришёл! – и усмехнулся. Но тут же помрачнел, так как сразу же подумалось, что остальные не идут никто, вся крепость, даже Степанида, потому что, говорят, кто служит, не рукоположенный. Вот так-то вот!

Они подошли к церкви. Костюков остановился возле звонницы, стал дёргать за верёвку, колокол мерно позванивал. Когда он отзвонил девять раз, капитан дал отмашку. Ситников открыл дверь, солдаты начали входить. Когда они все вошли, капитан сделал знак Шалаурову. Но тот не стал входить, а вдруг заговорил:

– Господин капитан, Василий Юрьевич! Не вели казнить, как говорится, но у меня опять к тебе дело. Преспешное!

Капитан внимательно посмотрел на Шалаурова, обернулся на дверь, увидел в ней Ситникова и сказал:

– Начинайте без меня.

Дверь в церковь закрылась. Капитан кивнул Шалаурову, тот начал:

– Ночью не хотел тебя тревожить, промолчал, а сам до утра глаз не сомкнул, места себе не находил! Ненадёжное это дело, Василий Юрьевич, времена сейчас сам знаешь какие, государыня крута, чуть что не по ейному, сразу на плаху! А тут как плаху миновать? Никак!

Капитан нахмурился, спросил:

– Что случилось? Отвечай толково!

– Не потянуть нам это дело, Василий Юрьевич, никак не потянуть! – с досадой начал Шалауров. – Никаких моих денег не хватит! А как взялся, так и отвечай! А что я отвечу? А... – Но тут он увидел, что капитан теряет всякое терпение, и потому быстро сказал: – Низкий тебе поклон, Василий Юрьевич, что ты меня вчера остановил. А так бы подмахнул подряд. А что дальше? Это же и в самом деле какие шлюпки? Это же ковчеги Ноевы! Они, я в чертежах смотрел, десяти сажен в длину, трёх в ширину, двух в глубину, и на них палуба, две мачты, а это ещё давай им канаты, блоки, прочий такелаж, и якоря, и цепь, и другого разного железного морского художества не сосчитать. Где мы всё это здесь возьмём? У нас не Архангельск, не Тобольск и даже не Якутск, у нас один кузнец на всю крепость. А сделать сказано к весне! А уже и так весна. Маяк я поставлю. И казармы. А дупель-шлюпки как? Да я их ни разу не видел, это их новомодная выдумка, наши устюжские испокон века на кочах ходили, так я коч с закрытыми глазами построю. И железа к нему никакого не надо! А здесь просмотрели умники. А первый умник наш адъютант! Тоже нашли с кем связаться!

– И что теперь делать? – спросил капитан.

– Я ещё, слава богу, никаких бумаг с вами не подписывал, – сказал Шалауров и перекрестился. И прибавил: – Я человек вольный! Пока что...

– Ладно, – сказал капитан, – надо подумать. Служба идёт. Заходи!

Шалауров молча отказался. Капитан вошёл в церковь один, прошёл к амвону, открыл часослов, отыскал по его разумению нужное место и начал читать. Солдаты время от времени крестились. А капитану, вот же грех какой, ничего приличного в голову не шло. Думалось только о дупель-шлюпках и о том, что их и в самом деле у них не построишь. А государыня Анна Иоанновна, она крута, она и слушать не станет, а только велит кому надо...

И капитан вздыхал, читал, думать было некогда, и время шло.

Закончив чтение, капитан закрыл часослов, знаком велел всем выходить и так же знаком велел Меркулову остаться и прибрать. Меркулов остался, а все остальные вышли и остановились. Капитан дал денег, и они, построившись, пошли. Когда они отошли подальше, капитан повернулся к Шалаурову и спросил:

– Так, говоришь, ковчеги? А Черепухин что сказал?

– А ничего, он говорит, управишься.

– А господин адъютант?

– А господин адъютант, я думаю, совсем ничего не понимает. Ему везде Санкт-Петербург. Сел на извозчика, сказал куда ехать, и тот довезёт. И так ему и дупель-шлюпки. Не буду я с ним ничего подписывать! И ни казармы строить, ни маяк – ничего! Потому что тут только начни, потом не отобьёшься, и будешь один во всём виноват. А зачем мне это? Мне и на воле хорошо.

Капитан сердито хмыкнул и сказал:

– Ладно. Пошли, поговорим с адъютантом.

Пошли напрямик, по насту. Наст хорошо держал. Шалауров сзади говорил:

– Я после всю ночь не спал, считал. Это же явный недосмотр, а то и совсем воровство. Воруют наверху, а ответ нам держать!

Они подошли к съезжей и, не стучась, вошли. Адъютант сидел за столом, среди бумаг, что-то пописывал, почёркивал. При виде капитана сделал вид, будто встаёт. Капитан махнул рукой, чтобы сидел, а сам стоя начал:

– Заминка у нас получается, Григорий Матвеевич. Засомневался наш купец. Говорит, не осилить ему дупель-шлюпки. Так, Никита?

Шалауров согласно кивнул и, не сдержавшись, прибавил:

– Им и паруса подай, и такелаж новоманерный, и якоря. Сколько одного железа надо! А где его взять? А кто будет всё это ковать? У нас один кузнец на всю крепость, и тот кривой. А не справимся, тогда что будет?

– Почему не справимся? – спросил адъютант. – Чертежи у нас есть, я их вам вчера показывал. Да и дело это не такое уже и хитрое, я в Тобольске видел, как их собирают.

– Ха! – громко сказал Шалауров. – И мы бы тоже собрали. Вот только где канаты брать, а якоря, а блоки такелажные, а якорная цепь в двести аршин?!

– И всё это тоже есть, – сказал адъютант. – Мне в Якутске было сказано, что вам уже выдавали один корабельный прибор, это ещё когда Шестаков собирался идти искать Копяеву землю. А потом он передумал, потом ездил к нам в Санкт-Петербург, а потом сюда вернулся, и его убили.

– Не совсем сюда, – поправил капитан, – а это было за Анадырском, на Эгачи-реке.

– Может, и так, – не стал спорить адъютант, – а корабельный прибор сюда был доставлен по его прошению, и так здесь где-то и лежит, у них в канцелярии мне так сказали. И Черепухин говорит, что есть у нас этот прибор. А если есть, то можно строить дупель-шлюпку, даже две. Вот так! Государыня всё знает, где у кого что припрятано! Или не так я говорю?

И он посмотрел на Шалаурова. Шалауров настороженно молчал.

– Где Черепухин? – строго спросил капитан. – Позвать сюда Черепухина! Орлов, чего стоишь?!

Орлов сразу вышел в дверь. В съезжей стало совсем тихо.

Пока Орлов ходил, капитан присел к столу и начал было рассматривать чертежи дупель-шлюпки, но вскоре это ему наскучило, да и непонятно было многое, и он стал разглядывать то, что было на столе навалено из нового. А это был целый рядок камней, все разноцветные, и одни гладкие, другие угловатые, а были и такие, что искрились. Капитан взял один из таких искрящихся камней, то есть минералов, повертел в руках и спросил, что это такое.

– Сернистый колчедан, – строго ответил адъютант.

– А это что здесь сверкает? – спросил капитан. – Серебро?

– Слюда...

– А что серебро? – спросил из-за спины у капитана Шалауров. – Не нашли ещё?

Адьюнкт ничего не ответил.

– И не найдёте, – сказал Шалауров. – Потому что не там ищите. А Шестаков знал где искать!

– Где? – спросил капитан.

– На Копеевом острове, – ответил Шалауров и посмотрел на адьюнкта.

Тот молча разглядывал кончик пера.

– Вот! – радостно воскликнул Шалауров. – Видишь? И господин адьюнкт со мной согласен.

Адьюнкт удивлённо поднял брови.

– А что, разве не так, ваше сиятельство? – дерзко продолжил Шалауров. – А что у вас тут за чертёж вчера валялся?

– Не валялся, а лежал, – сказал адьюнкт. – И не чертёж, а выдумка. На ней много всякого ненужного начертано, но есть и разумные мысли.

– А ну покажи! – воскликнул Шалауров.

Адьюнкт поискал по столу, нашёл ту вчерашнюю карту, развернул и подал её Шалаурову. Шалауров стал её рассматривать и шёпотом читать то, что на ней написано. Потом сказал:

– Вот! – и положил карту на стол, ткнул пальцем и сказал: – Вот он.

Там, куда он указывал, на карте и в самом деле был начертан небольшой остров, а возле него была приписка: «Остров населён шелагами, подвластными князю именем Копай».

– Ну и где здесь про серебро сказано? – насмешливо спросил адьюнкт.

– Да кто же про такое прямо скажет?! – так же насмешливо ответил Шалауров. – Да про это никто никогда...

Но тут раскрылась дверь, и вошли Орлов и Черепухин. Шалауров убрал руку с карты. Черепухин посмотрел на капитана. Капитан сказал:

– Вот что, Илья Ильич, тут у нас заминка вышла. Ищем такелажный прибор, который был ещё Афанасию Федотовичу из Якутска выписан, когда он собирался в экспедицию. Не подскажешь, где искать?

– Так чего его искать? – удивился Черепухин. – В головном лабазе, слева. Где положили, там и лежит. Уже скоро пятнадцать лет!

Капитан поморщился, сказал:

– Иди показывай. – А про себя подумал: чёрт бы их побрал!

Черепухин пожал плечами, дождался, когда все оденутся, и вышел первым. Остальные пошли за ним. Они прошли через двор, но уже в другую сторону, прошли одну избу, вторую, и остановились перед лабазом. Черепухин достал ключ, отомкнул замок и открыл дверь. Изнутри пахло затхлым.

– Э! – сказал капитан. – Как бы не сгнило!

– Тогда так делали, что не сгниёт, – строго ответил Черепухин, разводя огонь. А когда развёл, вошёл в лабаз. За ним вошли все остальные и увидели, что там, возле стены, стоят какие-то здоровенные тюки, лежат две бухты каната, а к стене привален якорь.

– Вот, – важным голосом сказал Шалауров. – Это он туда, куда я вам говорил, собирался. Да не дали!

– И хорошо что не дали, – подхватил адьюнкт. – А то с чем бы ты сейчас остался? И не осилил бы подряд. А так осилишь. Ведь осилишь же?

– Тут надо ещё посмотреть, – уклончиво ответил Шалауров.

– А мы тебе ещё накинем! За новоманерность!

Шалауров усмехнулся. Вот шельма, подумал капитан, откусил-таки своё! А адьюнкт, улыбаясь, сказал:

– Всё то, что мы сейчас увидели, сохранилось до нынешнего дня только потому, что такого богатого рудного места, именуемого Копаев остров, не существует. Но в то же время под него можно было что-то получить, например, корабельный прибор, что Шестаков и сделал. И прекрасно! Теперь нам есть с чем встретить господина Лаптева. И это...

И он замолчал, глядя куда-то капитану за спину. Капитан обернулся. Из-за угла комендантского дома вышел сержант Ситников и замахал рукой.

– А, да! И верно! – сказал капитан. – Время-то уже какое? И я приглашаю вас всех к нам на пироги. Мы со Степанидой вместе приглашаем. Прошу!

А сам в сердцах подумал... Ну да мало ли что он тогда подумал! А на вид он был весёлый и довольный. И первым развернулся и пошёл по тропке. За ним пошли остальные. Ситников посторонившись, взял на караул. Господа прошли за угол, подошли к крыльцу. Там уже стоял Орлов и держал двери. Вначале зашли гости, а уже за ними капитан...

И обмер! Ну, ещё бы! В горнице было светло и чисто, и пахло аиром, на окнах висели новенькие белоснежные занавески, посуда на столе была выставлена расписная, чарки богемского стекла и скатерти китайские. Но это ещё что! А сама Степанида была разодета вот как: серьги на ней были рубиновые, крупные, платье немецкое, платок, правильное, палантин, французский. Капитану это очень не понравилось, но он смолчал. Да и не до него пока что было. Адъютант выступил вперёд, поклонился и поцеловал Степаниде руку. За ним туда же полез Шалауров, а после даже Черепухин, но Черепухину она строго сказала:

– Вот ещё! – и убрала руку, отступила. Вперёд вышел капитан, сказал:

– Стёпа, рассаживай гостей.

Степанида растерялась, не знала, что делать. Тогда капитан показал, кому куда садиться, и сам сел под образами, на хозяйское место. Рядом с ним села Степанида, за ней, так получилось, адъютант, напротив него Шалауров, а в дальнем конце Черепухин. Капитан велел накладывать и не смущаться. Да! А пироги, к общему удовольствию, оказались всякие – с моршшкой, с рыбой, с мясом, с потрохами, но больше с моршшкой. И к ним моршшковая же самодельная водочка. Капитан кивнул, Черепухин обошёл вокруг стола и всем налил. Капитан встал и сказал, что первую чарку они выпьют за дорогого гостя, прибывшего к ним из далёкой столицы, от почти самой императрицы Анны Иоанновны, дай ей бог крепкого здоровья. Все встали и выпили, сели и начали закусывать. Молчали. Шалауров осмотрелся и сказал, что водка у господина капитана очень вкусная.

– Или, – прибавил Шалауров, – я ошибся? Что скажешь, господин профессор? Может, чтобы распробовать, ещё налить?

Адъютант пожал плечами и сказал:

– На ваше усмотрение.

Шалауров тяжело вздохнул и посмотрел на капитана. Капитан посмотрел на Черепухина. Черепухин встал и опять всем налил. Все выпили до дна, и только адъютант до половины.

– А что? – сразу спросил Шалауров. – Теперь в столице все так? – и кивнул на адъютантову чарку.

– Да, – ответил адъютант, – теперь у нас там так. Государыня пьяных не терпит. И сама не пьёт, конечно. Теперь у нас там многое не так, как было прежде.

– А прежде было лучше или хуже? – спросил Шалауров.

– Э... – начал было адъютант, но передумал и продолжал уже так: – Каждое новое время рождает новые обычаи. Теперь совсем иначе веселятся. Да и веселиться особенно некогда, полно всяких дел. Вот я служу в Академии наук по курсу ботаники, геодезии и натурофилософии, а это на Васильевском острове, в Кунсткамере. И там же, на Васильевском острове, на седьмой линии, жительствоваю, а это почти прямо напротив государынева дворца. И я же вижу, как у неё свет горит и день и ночь. Значит, государыня не спит, о нас печётся. Я...

И он замолчал, задумался, стал очень серьёзным. Сидел и глаз не поднимал. Степанида незаметно толкнула капитана локтем под бок, капитан кивнул Черепухину, Черепухин обошёл всех и налил, капитан встал и сказал тост за их новое важное дело, за то, чтобы оно славно сложилось, и тут опять все, теперь уже вместе с адьюнктом, выпили до дна. И сразу щёки у всех порозовели, Шалауров и Черепухин начали одновременно говорить, но такой же порозовевший капитан сказал им не забывать закусывать. А Степанида, ни к кому конкретно не обращаясь, спросила, как при дворе, если вдруг случается свободная минутка, веселятся.

– Тогда танцуют, – ответил адьюнкт. – Но это другие, а сама государыня почти никогда не танцует, а больше любит наблюдать за танцующими.

– Так, может, и у нас танцы устроить? – спросил Черепухин.

Капитану это не понравилось, и он очень строго спросил:

– А где ты музыку возьмёшь?

– А если за Костюковым послать? – не унимался Черепухин. – Он на рожке играет знатно. А может и на ложках.

– На ложках! – хмыкнул капитан. – Мы не в питейном доме!

И осмотрел всех сидящих. Адьюнкт усмехнулся и сказал:

– Из всех известных нам танцев государыня более всего жалуёт русского. И это уже все знают, поэтому если она вдруг не в духе, сразу выбегают молодцы и давай русского жечь, отжигать, и она, смотришь, оттаёт и повеселеет.

Все молчали. Адьюнкт продолжал:

– А ещё вот какая новая забава у них появилась – волчок!

– Какой волчок? – не понял капитан.

– Обыкновенный, на верёвочке, – сказал адьюнкт. – Или ты, Василий Юрьевич, по юным годам никогда волчков не верчивал?

– Ну, как, верчивал, – нехотя ответил капитан. И, оживившись, продолжил: – И ничей чужой волчок никогда моего не переверчивал! Бывало, как только родитель уедет, сразу спустишься во двор... – И спохватился, замолчал.

– Вот! – улыбаясь, подхватил адьюнкт. – Так и у нас теперь в царском дворце. А ещё...

Но тут он замолчал и посмотрел на Черепухина. Черепухин вскочил. Адьюнкт кивнул ему, и тот пошёл вокруг стола наливать. Потом адьюнкт встал с полной чаркой и начал длинно и нудно рассказывать о том, как он ездил в Германию, в славный город Гёттинген, и как там веселятся. Но капитан его уже не слушал, а думал только об одном – зачем он про волчок рассказывал, зачем вообще столько пил, зачем приглашал...

Ну и так далее. А время шло, Черепухин то и дело вскакивал и наливал всем до краёв, за столом было уже довольно шумно, адьюнкт живо рассказывал, какие необычные порядки в Германии, как там чисто и как благочинно, какой там университет и какие поля, какая на полях скотина и какой народ воспитанный. Но тут Шалауров осмелел, начал изрекать всевозможные спорности, адьюнкт на них довольно ловко отвечал, всем было весело, пошла общая беседа, начались вопросы и ответы. Степанида сама ничего не спрашивала, только сидела, открыв рот, и капитана это очень злило, но он пока терпел, пил, не закусывал...

А потом не выдержал, встал и сказал, что сколько это можно пить, неужели у них нет других развлечений, и предложил адьюнкту сыграть в шахматы. Адьюнкт согласился. Капитан велел принести. Степанида принесла коробку. Черепухин сдвинул миски, капитан и адьюнкт сели один напротив другого и начали играть. Капитан был хороший игрок, у него редко кто выигрывал, Шалауров это знал и хищно усмехался, ждал, когда адьюнкт продуется, капитан спешил, хотел скорее выиграть, увлёкся, поставил под бой туру, начал её спасать, подставил королеву...

А дальше было ещё хуже – адьюнкт великодушно подсказал ему, капитан переходил, королева была спасена, но адьюнкт дальше играть не стал и предложил ничью. И Степанида

опять ничего не сказала. Что оставалось делать? Ничего. Шахматы убрали, выпили ещё, потом выпили на посошок, Степанида молчала как рыба, и уже только ночью, когда все ушли, она робко сказала, даже, правильнее, предложила, чтобы адъютант к ним каждый день ходил обедать. На что капитан гневно сказал:

– И воскресений с него хватит!

Так и порешили.

Глава 4

Но до следующего воскресенья было ещё далеко, а вот уже завтра, в понедельник, капитан проснулся как обычно рано, побрился и сел завтракать. Аиром уже не пахло, на окне висели старые застиранные занавески. Капитан доел завтрак, поднялся, тяжело вздохнул, пошёл к двери. Там он надел шубу, Степанида подала ему саблю. Капитан вышел на крыльцо и осмотрелся. На воротах стояли Мешков и Козлов, а остальные были на плацу. Капитан подошёл к ним. Ситников доложил о порядке, Костюков ударил в барабан, Гуськов поднял прапор. Капитан ещё раз осмотрелся и сказал:

– Пыжиков, выйти из строя.

Пыжиков вышел. Капитан строго спросил:

– Что у тебя с рожей, Пыжиков? Почему она вся синяя?!

– Подбили, ваше благородие, – сухо ответил Пыжиков.

– Где?

– Где ещё! В питейном доме.

– С казаками задрались?

– Так точно.

Капитан заложил руки за спину, покачался на каблуках, сказал насмешливо:

– Эх, Пыжиков, Пыжиков! Женатый человек, а что себе позволяешь? Другие люди как люди, а ты на кого теперь похож? Как тебя такого ставить в караул? Это же позор один! А каково мне теперь в глаза полусотенному голове смотреть? Он же вот так зубы ощерит, а мне каково?!

Пыжиков молчал.

– Ситников! – строго сказал капитан. – На гауптвахту его! На пять суток!

Ситников откозырял.

– Приступайте! – сказал капитан, развернулся и пошёл обратно. На душе у него было гадко. Очень не любил он казаков. Ещё бы! У них же что за служба? Езди себе по стойбищам, собирай ясак, а не дают, бери силой, и всё. Ни построений тебе, ни учений, ни караульной службы – ничего. А сколько гонору! Да и самих их сколько! Сорок восемь сабель! А какой их голова, Иван Хрипунов, наглющий! Его же сейчас только встретить и спроси, что это вчера там было, он же вот так ощерится и скажет, что не может того быть, у него все люди степенные, серьёзные, кто это из них в питейню ходит, да никто, так что это твои, Вася, сами к моим первые придрались...

– Вася! – уже даже вслух повторил капитан, и опять подумал про себя, что какая это скотская манера называть его Васей! Они что, разве ровня? Да когда это было такое и где, чтобы казачий полусотник был равен кадровому офицеру, капитану, дворянину?! Да у него своя деревня под Вязьмой, да он...

А, в сердцах подумал капитан, ну и что что Вася, а как дело доходит до службы, то он, Вася – комендант, а Хрипунов у него на посылках! Вот он сейчас пошлёт его... Да только мараться неохота! Подумав так, капитан самодовольно усмехнулся и, так как он уже пришёл, поднялся на крыльцо и вошёл в съезжую.

Там все были уже в сборе – и адъюнкты, и Шалауров, и Черепухин. Они сидели за столом и о чём-то совещались, а перед ними была разбросана кипа бумаг с расчётами, чертежи дупель-шлюпки и что-то ещё.

– Ну, как? – спросил капитан. – Бумагу написали?

На что адъюнкты ничего не ответили, Черепухин тоже, а Шалауров важным голосом ответил:

– Тут так с наскока не возьмёшь. Да и потом не перепишешь же.

– Ну, давайте, давайте, – сказал капитан. Обернулся и позвал: – Орлов!

Из-за двери вышел Орлов.

– Сбегай за Хрипуновым, – сказал капитан. – И живей!

Орлов быстро вышел из съезжей. Капитан сел к столу, посмотрел на адъюнкта, потом на Шалаурова. Шалауров усмехнулся и спросил, что новенького.

– А то ты не знаешь! – сказал капитан.

Шалауров больше ничего не спрашивал, а опять повернулся к адъюнкту. Адъюнкт взял один из чертежей, там были начерчены мачты, и начал нудно и длинно рассказывать, какой блок куда крепить, за какие верёвки тянуть и так далее. Капитан слушал, позёвывал. А время шло!

Наконец дверь открылась, вошёл Хрипунов. Капитан не стал вставать, а только кивнул Хрипунову и указал ему на лавку. Но Хрипунов не стал садиться, а сказал, что он сегодня уже насиделся. И спросил, не случилось ли чего. Капитан осмотрел Хрипунова. Хрипунов был молодой, высокий, краснорожий, наглый. Капитан сказал:

– Я думаю, ты уже знаешь. Погорячились они.

– Кто? – как дурень спросил Хрипунов. Будто и в самом деле ничего не знал. Да ну и ладно! Капитан сказал:

– Как кто?! Твои и мои. Теперь надо их остужать!

С этими словами он поднялся и, повернувшись к Орлову, велел:

– Подай мне сургуча и шнурок. И огня возьми с собой.

Орлов кивнул, полез по шкафчикам. Хрипунов насторожился и спросил:

– Зачем сургуч?

– Как зачем? – ответил капитан. – Пойдём опечатывать питейный дом.

Хрипунов тяжело вздохнул. Капитан повернулся к Орлову. Тот был уже готов и с сургучом. Капитан пошёл к двери. За ним пошли Хрипунов и Орлов.

И так они сошли во двор. Там стоял Николка-казачок, Хрипуновский вестовой. Увидев Орлова с сургучом, Николка развернулся и побежал к воротам. Бежит предупредить, подумал капитан, и пусть бежит. А на воротах, как уже было указано, в тот день стояли Мешков и Козлов. Они пропустили Николку и не закрывались, ожидая капитана. Когда капитан проходил мимо них, Мешков и Козлов взяли на караул.

Выйдя из крепости, капитан по-прежнему шёл не спеша. Да и куда было спешить, когда день тогда выдался жаркий, снег таял, ноги скользили. Но Хрипунову что, он длинноногий, и он быстро нагнал капитана. Теперь они шли вровень, капитан молчал. А Хрипунов наоборот заговорил:

– Твои первые полезли! Напились и начали орать, обзывали моих мужиками, мои осерчали.

– А я разве спорю? – сказал капитан. – Может, это и моих вина. А, может, и твоих. Но это неважно. А важно то, что а вот вдруг, не приведи господь, завтра придут инородцы, а у нас в гарнизоне разлад. Как тогда будем отбиваться? Вот я, чтобы не было разлада, опечатаю.

И он прибавил шаг. Хрипунов, немного помолчав, опять заговорил, и уже опять со злостью:

– Мы, Василий Юрьевич, люди простые, грамоте не разумеем. Но если что... – и замолчал.

– Что если что? – спросил капитан.

– За государыню головы сложим! Не сомневаешься, Василий Юрьевич?

Василий Юрьевич, Василий Юрьевич, насмешливо подумал капитан, а то раньше всё Вася да Вася! Какой я тебе Вася?! А вот приду и опечатаю до Троицы! И вот тогда посмотрю! И...

Но дальше капитан подумать не успел, потому что увидел, что впереди, на площади перед питейным домом их ждёт целая толпа. Это их Николка упредил, подумал капитан и, как будто никого вокруг не замечая, подошёл к воротам. Следом подошёл Орлов. Ворота стояли закрытые, и с той стороны, со двора, ничего слышно не было. Затаились псы, подумал капитан, взял у Орлова шнурок, продел шнурок через скобы... А скобы там давно были набиты, капитан не в первый раз ими пользовался, поэтому у него теперь всё очень ловко получилось, то есть и когда он придавил сургуч щипцами, и когда дул на сургуч, чтобы тот скорее застыл, и даже когда после обернулся на толпу. Толпа молчала.

– Вот! – строго, громко сказал капитан. – И так это теперь будет тут висеть до особого распоряжения.

Толпа опять промолчала. Потом кто-то из толпы спросил:

– А Илларионыч там остался, как теперь быть с Илларионычем?

– Не велик боярин! – сказал капитан. – Перелезет через тын. Делов-то. – И уже строго добавил: – Вчера ему надо было думать. Почему допустил мордобитие? Куда смотрел? А вы все куда смотрели?!

Но толпа опять смолчала. Капитан отдал щипцы Орлову, развернулся и пошёл обратно. И никто ему вслед ничего не сказал!

И после ничего значительного за весь тот день не случилось. Вернувшись от питейного двора, капитан зашёл в съезжую. Там всё было по-прежнему – адъюнкты с Шалауровым сидели за столом и что-то считали, а Черепухин за ними пересчитывал и злился, приговаривал, что за такие деньги такого не сделать, а если и сделать, то только гнильё, а кому это нужно?! Что гнильё и почему, капитан спрашивать не стал, а развернулся и пошёл домой.

Когда он туда пришёл и начал снимать шубу, Степанида с удивлением спросила, почему так рано. Капитан ничего не ответил. Степанида кликнула Матрёну. Матрёна стала собирать на стол. Капитан молчал, строго посматривал по сторонам. Потом, когда ему подали рыбу, он поморщился. Ел медленно, посапывал. Степанида сидела напротив и смотрела на него. А потом вдруг спросила, что, может, надо было бы пригласить к обеду адъюнкта, он же как-никак гость. Капитан помолчал, поиграл желваками и только после этого сказал, что господин адъюнкты не гость, а проверяющий, а был бы гость, не приезжал бы с пустыми руками.

– Гости с подарками едут! – сказал капитан. – А кто без подарков, тот по службе.

Степанида усмехнулась и ответила, что Иван Иванович был без подарков, а два года здесь сидел, кормился.

Капитан на это весело захмыкал и ответил, что Ивану Ивановичу тогда было так положено – сидеть.

– И он сидел! – продолжил капитан. – Пока всё своё не высидел. И у него в бумаге было вписано, чтобы я его кормил как самого себя!

И тут он даже хлопнул ладонью по столу. Степанида поджала губы.

– Ладно, ладно! – сказал капитан. – Погорячился я.

И взял степанидину руку, накрыл её своей рукой, и так они немного посидели, помолчали. После Степанида встала, проморгалась и пошла поторопить Матрёну. Капитан хлопнул чарку казёнки, встал и пошёл за занавеску полежать.

Там он лёг, зажмурился, но не спалось. Вспомнился Иван Иванович. А, может, он вовсе и не был Иваном Ивановичем, думал капитан, это же как получилось? Это когда его привезли сюда, вспоминал капитан, то он спросил у него, как вас величать. И тот ответил: зови меня Иваном Ивановичем. И так все его и звали в крепости. А за ворота крепости ему выходить было не велено. И открывать про себя ему было ничего не велено, и за что его сюда привезли, тоже было не велено рассказывать. А вот кормить его нужно было тем, чем они сами кормились. И он ещё требовал вина! А где тут вина возьмёшь? И он, надо признать, оказался с пониманием, и вскоре притерпелся к водке. А после даже пристрастился к ней. Но тут как раз за ним приехали.

И вот тут-то он и сказал, что не зовите меня больше Иваном Ивановичем, а зовите господин барон. И сел в нарты и уехал.

Вот так тогда вспомнился Иван Иванович. Но это был ссыльный, думал капитан, а адъюнкт вольный. Хотя, может, раз его сюда послали, да ещё из Петербурга, с самого Васильевского острова, то для него это тоже как ссылка? Капитан вздохнул и заворочался. Это он вспомнил про Вязьму и про свою деревню. Может, он ещё подумал, если бы они там жили, под Вязьмой, то Степанида давно бы уже понесла. Капитан опять вздохнул и заворочался.

И так он ещё долго себя изводил, а после не выдержал, встал, пошёл в съезжую. А там всё продолжали считать. И накурили так, что было плохо видно. Капитан сел с краю. В компании было намного веселей, капитану стало легче.

Так они ещё долго сидели, адъюнкт между делом опять рассказывал про Германию, какое там питьё и чем закусывают, а Шалауров стал рассказывать про Копаев остров, на котором на этот раз было уже не серебро, а лежбище морских бобров, по-здешнему каланов. И вот этих бобров, по словам Шалаурова, очень высоко ценят в Китае, тридцать рублей за шкуру, а на Копаевом острове они стоят тридцать копеек. Ну и так далее.

Вечером, придя домой, капитан сел за стол и сам с собой играл в шахматы.

– К воскресенью готовишься? – спросила Степанида.

– А хоть бы и так! – ответил капитан таким недобрым голосом, что Степанида больше ничего не говорила, а тихо сидела за пальцами.

Ночью капитану снился поход тридцать первого года, капитан вскрикивал и просыпался, лежал и думал: это не к добру.

Но пока что всё было спокойно. Во вторник и в среду погоды стояли жаркие, все ходили распахнувшись, без рукавиц, а в съезжей и без шубы было хорошо. Шалауров был весёлый, разговорчивый, адъюнкт, наоборот, задумчивый. Как из своих денег платит, думал капитан, или, думал, может, в Петербурге с этим строго, чуть что – и на дыбу, кто знает?! И вообще адъюнкт стал совсем другой какой-то – молчаливый, мрачный. Смотрит на тебя, а тебя будто не видит. Или ты у него что-нибудь спросишь, он ответит, а на самом деле он как будто не с тобой, а с кем-то другим разговаривает.

И вот что ещё особенно противно: как только капитан, приходя домой, поминал его при Степаниде, у той сразу глаза начинали поблёскивать. Или это капитану так только казалось?

И тут вдруг, уже в четверг утром, сразу после построения, сержант Ситников сказал, что солдат Михеев просит разрешения обратиться к господину капитану лично. Капитан сразу насторожился и сказал:

– Пусть обращается!

Михеев пришёл, капитан завёл его за дом, за угол, и там Михеев сказал:

– Не нравится мне этот господинчик, ваше благородие. Как бы мы через него в недоброе дело не вляпались.

– А что такое? – спросил капитан.

– Да не спит он по ночам, свечи до утра горят. Я подходил посмотреть, но через окно не видно ничего. Зато он сам ночью выходит на крыльцо, стоит, в небо смотрит.

– Просто так, – спросил капитан, – без навигацких приборов, что ли?

– Без, – сердито ответил Михеев. – Были бы с ним навигацкие, я разве стал бы вас тревожить, ваше благородие?! А так вдруг замысел какой-то, а мы прозевали. Потом всем мало не покажется!

– Ладно, ладно, – сказал капитан. – Иди и покуда помалкивай.

Михеев ушёл. А капитан весь день молчал, поглядывал за Степанидой, думал, ничего не говорил. А уже ночью...

Ну, не совсем ещё ночью, но когда уже крепко стемнело, завыл ветер в дымоходе, Степанида сказала, что у неё голова болит, и легла спать... Капитан вышел во двор, повернул наис-

косок, взошёл на съезжее крыльцо, прокрался вдоль самой стеночки – там, где доски не скрипят, после резко открыл дверь – и верно! Адъютант сидел за столом и что-то записывал, а как увидел капитана, сразу отложил перо и хотел перевернуть бумагу другой стороной...

Но капитан строго сказал:

– Э, нет! Пусть так лежит!

После чего прошёл к столу, сел, покосился на тот недописанный лист и, как и думал, увидел там письмо не по-нашему писанное. Но для верности всё же спросил:

– Письмо?

– Письмо, – кивнул адъютант.

– По-немецки?

– По-латыни, – ответил адъютант.

– А письмо немцу?

– Немцу.

– Вот оно как! – сказал капитан. – Мудрёно! И чужому никому не прочитать!

И он ещё раз осмотрел стол, увидел на нём несколько листов, исписанных такими же, как он теперь знал, латинскими буквами. Листы были похожие, то есть одинаково густо исписанные, без помарок и клякс... И только один лист был не похож на остальные – на нём был рисунок.

– А это ещё что такое? – спросил капитан с удивлением.

– Это зверь мамонт, – ответил адъютант. – Мамонт по-латыни *Mammuthus*. Правильнее, *Mammuthus Primigenius*, то есть шерстистый.

Капитан ещё раз посмотрел на рисунок. Там и в самом деле был изображён какой-то странный носатый бык с клыками.

– Какой зверюга! – сказал капитан. – Я его зубов видел много, а вот чтобы всего самого целиком, этого ни разу не было. Хотя люди говорят, встречали.

– Живого? – настороженно спросил адъютант.

– Нет, не приведи господь, как говорится, – сказал капитан. – А на болоте, бывает, всплывают где голова, где нога. Инородцы их очень боятся. Говорят, это подземный олень, очень злой. – Капитан ещё раз осмотрел рисунок и спросил: – А что это за приписки вокруг? И что за рогульки?

– Это не рогульки, – ответил адъютант, – а это его кости. И не приписки, а названия костей. Всё по-латыни. Возле которых стоит птичка, те у нас уже есть, а где птички нет, тех ещё не имеется. Меня просили поискать их. Вот левая вторая пястная кость, надо найти. Вот правая трёхгранная кость. И вот тут ещё две мелких косточки обломанных. Шумахер о них очень спрашивал.

– Что ещё за Шумахер? – спросил капитан.

– Господин Шумахер, Иоганн Даниэль, или Иван Данилович, статский советник и директор нашей академической библиотеки, – сказал адъютант и прибавил: – А я при нём помощник. И это ему письмо.

– Но как ты его пошлешь? – удивлённо спросил капитан. – Почты же у нас теперь всё лето не будет, до зимы.

– А я и не собираюсь сейчас посылать, – сказал адъютант. – Я буду письма писать и складывать, а когда вернусь в Петербург, сразу ему всё передам, пусть читает.

– А почему по-латыни? – спросил капитан. – Он же немец!

– Да потому, что немец он или не немец, или ещё кто, это не главное, – сказал адъютант, – а главное то, что если он учёный человек, то должен читать и писать единственно по-латыни, и так не только в нашей академии, но и во всех прочих европейских академиях принято. Вот ты его, наверное, знаешь, – господин Татищев, Василий Никитич, главный начальник государственных горных заводов в Перми и в Сибири. Знаешь?

Капитан кивнул, что знает.

– Так вот он не только за заводами присматривает, – продолжил адъютант, – но и ещё недавно написал большой научный артикул про мамонтов. Написал тоже по-латыни, отправил в Стокгольм, в Швецию, и там его в одной научной книге пропечатали. По-латыни, а не по-шведски. И когда к нам в библиотеку один экземпляр такой книги прислали, господин Шумахер очень разволновался и сказал: Григорий, тебе выпал такой редкий шанс, ты едешь с этим болваном...

– С кем, с кем? – переспросил капитан.

– Ну, так уже издавна сложилось, – ответил, смущаясь, адъютант, – и все давно привыкли к тому, что господин профессор Миллер очень недолюбливает господина советника Шумахера, а тот в свой черёд ничуть не меньше недолюбливает господина Миллера, и поэтому меня в миллеровскую экспедицию взяли по очень большой случайности. Вот почему я везде, где могу, умалчиваю про своё знакомство с господином Шумахером и в особенности с его мнением о затеянной господином Миллером этой так называемой Великой Северной экспедиции. Господин Миллер, – продолжал адъютант, – считает, что давно уже пора нанести на карту побережье Ледовитого моря и испытать, где там можно ходить кораблям, и куда им можно ходить, то есть соединяется ли Азия с Америкой или можно обойти вокруг Азии и тем самым найти короткий путь на Камчатку и к другим нашим тамошним владениям, и оттого будет большая выгода торговле. А Шумахер, тот напротив говорит, что это только слепая гордыня не позволяет господину Миллеру признать, что тамошние, то есть для нас с тобой здешние, моря скованы льдами столь крепко, что никому через них не пробиться, так что от всей этой миллеровской затеи будут одни только растраты государственной казне, и надо Миллера судить за это! Но, продолжал господин Шумахер уже только в частной беседе, во всяком безумии всегда можно найти крупицу пользы. И так же, говорил он мне, и здесь: в тех местах, в которые тебя посылает этот болван, имеется великое множество захоронений мамонтов, так почему бы тебе не попытаться отыскать там те недостающие фрагменты, то бишь кости, к нашему академическому скелету? Это было бы, он говорил, весьма полезно для науки. Вот я и готовлюсь к этим поискам, жду, пока земля просохнет.

– И жжёшь свечи, – сказал капитан. – Люди это видят, людям это непонятно, они ко мне приходят, говорят, ты по ночам не спишь, значит, затеял что-то недоброе. А тюрьма у нас стоит пустая! Так что увлекайся, да не очень!

Сказав это, капитан встал, поправил шапку, развернулся и, не прощаясь, вышел.

Когда он ложился в постель, Степанида заворочалась.

– Ты что, – удивлённо спросил капитан, – ещё не спишь, что ли?

Степанида тяжело вздохнула. Капитан строго спросил:

– О чём ты думаешь?

– О тебе, дурак! – сказала Степанида и заплакала.

Капитан стиснул зубы, молчал. Степанида немного поплакала и перестала. Капитан осторожно положил ей руку на плечо и сказал...

Ну да и мало ли что он тогда ей говорил?!

Глава 5

На следующий день, в пятницу, после поднятия прапора, капитан построил свою команду, так называемую вторую роту первый батальон (второго не было), и вывел их за головной лабаз, туда, где гауптвахта. Так капитан отомкнул замок, Ситников открыл дверь, и Пыжиков вышел на волю. Рожа у Пыжикова была ещё не совсем приличная, а в пятнах, то есть с фонарём, как это называется. Но капитан не стал об этом говорить, а только сердито вздохнул и велел ему и Ситникову, Ситников, конечно, старший, идти и снимать печать с питейни. И они пошли, а все остальные заступили кто на службу, кто на роздых. Через четверть часа Ситников и Пыжиков вернулись и доложили, что печать снята, люди довольны, буйных нет.

И так оно, кстати, после всю пятницу там было спокойно, и субботу, и, забегая вперёд, и в воскресенье тоже. То есть когда Ситников повёл туда своих, казаки к ним вязаться не стали. Но это было уже в воскресенье, а пока что, ещё только в пятницу, капитанова команда несла службу, а сам капитан, войдя в съезжую, увидел, что адъюнкта и Черепухина на месте, то есть за столом, а Шалаурова нет. Капитан спросил, где он. На что Черепухин ответил, что люди видели, как Шалауров шёл в питейню. Адъюнкта на это усмехнулся, но Черепухин сразу же сказал:

– А вот и нет! Никита Павлович не из таких. Никита Павлович пошёл туда по делу! Он будет искать там работников. Было опечатано, он не искал, а распечатали – и сразу же пошёл.

– И бог ему в помощь, – сердито сказал капитан. – А то сколько уже дней сидите, одну бумажку подписать не можете!

– Так что, – спросил адъюнкта, – Шалаурова сегодня здесь не будет?

На что капитан ответил, что, скорее всего, не будет.

– Вот и прекрасно! – воскликнул адъюнкта. – А то, смотрю, время уходит, а то я всё никак не приступлю к полевой практике.

– Какая ещё полевая практика? – настороженно спросил капитан.

– Та, которая проводится в поле, конечно, – ответил адъюнкта. – Погоды вон какие жаркие, кругом всё подсохло, значит, уже вполне можно начинать полевые практические наблюдения. Или, иными словами, изучать, какая тут у вас земля, из чего она сложена и что на ней растёт.

– Нет, – сказал капитан. – Я тебя за посад не пушу. Мало ли что там с тобой случится, а мне после отвечать.

– Но это очень важно, – возразил адъюнкта. – По возвращении в Академию я должен буду представить письменный отчёт о проделанных наблюдениях и показать образцы здешней природы. И что я им покажу?

И он сердито посмотрел на капитана. Это ты на мамонтов нацелился, подумал капитан, после чего ещё подумал и сказал, что он в принципе может позволить господину адъюнкту выходить за пределы крепости, но только совсем недалеко и под охраной провожатого – Орлова.

Адъюнкта не стал на это возражать, а сразу начал собираться, то есть взял с собой маленькую лопатку, такой же маленький горный молоточек и, конечно, книжицу для записей. Ну а Орлов взял ружьё, и они пошли. Капитан велел им возвращаться к обеду, не позже, а сам подумал, что а как же, так они его и послушают! Ну да, тут же подумал капитан, ни к кому свою голову приставить нельзя, каждый живёт своим умом – и с этой мыслью он кликнул Черепухина, Черепухина, по его велению, достал ясачную тетрадь, и они сели её читать и проверять, где сколько чего с прошлого года осталось, а где и были недостатки.

Да только что там было проверять, когда и так было ясно, что весь нынешний, этого года ясак, ещё в январе был собран и отправлен на Якутск, и только один Илэлэк всё не едет и не платит! Вот какая он скотина, этот Илэлэк, сердито думал капитан, просматривая Илэлэковы подушные списки ясачных людей. Списков было три вместо пяти, то есть двух стойбищ сразу

не хватало, а в трёх представленных в каждом не хватало по чандалу, то есть по семье, да и в каждой семье... Ну и так далее. Капитан нахмурился, велел подать прошлогодние списки. Черепухин подал. Капитан начал сличать, порыкивать.

– Звать его или не звать? – спросил Черепухин.

– Звать, конечно, – сказал капитан. – Надо же когда-то это решать.

Черепухин вышел на крыльцо, кликнул Козлова и велел ему позвать Ефимова, и срочно. Капитан молчал, посапывал, сличал списки, ставил птички. Черепухин усмехнулся и сказал, что Ефимов не придёт. Капитан ничего на это не ответил, поставил ещё птичку, встал и заходил по горнице.

Вскоре пришёл Хрипунов, поздоровался, увидел списки и нахмурился.

– А где твой Ефимов? – спросил капитан.

– Я за него, – ответил Хрипунов. – Ефимов захворал. Не ходит.

– А зимой вон какой был бойкий! – сказал капитан. – У Илэлэка почти половину ясачных скостил. Почти тридцать соболей прорухи!

– Я это... – начал было Хрипунов.

– Но это ещё не всё! – продолжил капитан. – Люди говорят, у него после того, как он к Илэлэку в последний раз съездил, новый зимний кафтан появился, зелёный, с бобровой опушкой. А у его жены новый платок. Пуховый!

Хрипунов вздохнул. Капитан провёл рукой по столу, по спискам, и сказал:

– У Илэлэка пять стойбищ, а здесь только три. Где остальные?

– Он говорит, они откочевали, – сказал Хрипунов. – А куда откочевали, говорит, не знает. И я об этом сразу доложил, чего ты сегодня вдруг вспомнил?

– Не вспомнил, – сказал капитан, – а не забыл. Договоренность у нас с ним есть. Приедет на следующей неделе, привезёт всё сполна, говорил. А что такое сполна? Пять стойбищ или три?

Хрипунов долго смотрел на капитана, а потом сказал:

– Василий Юрьевич!

– Что «Василий Юрьевич»? – строго спросил капитан.

– Мы на краю света. Дальше только чукчи.

– Ну, не скажи, – ответил капитан с улыбкой. – В Академии наук говорят, что если плыть дальше, за Чукотский нос, то можно приплыть в Америку.

Хрипунов подумал и сказал:

– Ну, может быть. – И сразу же спросил: – Так я пойду?

– Иди пока.

Хрипунов откозырял и вышел. Капитан опять начал ходить по горнице. Со двора вернулся Черепухин и спросил, что делать со списками.

– Положи недалеко, – ответил капитан. – Скоро приедут же.

Черепухин убрал списки. Капитан стоял посреди горницы и думал. Черепухин, помолчав, заговорил, что Илэлэк-тойон человек толковый, малопьющий, с ним всегда легко договориться, но всё равно нужно будет ещё раз заранее всё пересчитать и ко всему приготовиться, и приготовить подарки, конечно. Капитан строго спросил, сколько у них чего осталось, и Черепухин не задумываясь ответил, что запасов у них хватит, одних пронизок, то есть бисера, у них три пуда разноцветных новых. И табаку полмешка.

– Это хорошо, – сказал, оглаживая подбородок, капитан.

Тут в съезжую вошёл Меркулов доложить, что хозяйка говорит: обед готов.

– Рано ещё, – ответил капитан. – Досчитаем, тогда и пойду. А ты пока что сходи посмотри господинчика.

Меркулов пошёл, через полчаса вернулся и сказал, что господинчик ходит по Лысому бугру, месит грязь, рвёт травки и в бумажные пакетики складывает. А если где увидит камни,

то молоточком их простукивает, отбивает куски и тоже берёт в пакетики. Но больше всего Меркулова удивило одно необычно толстое стекло, адъюнкты через него на травки смотрят, и тогда можно много чего рассмотреть, он это стекло Меркулову давал, и это очень удивительно. Дурень, сказал на это капитан, я тебя для чего посылал? Чтобы ты его привёл!

И неизвестно, чем бы это тогда кончилось, но тут как раз вернулся сам адъюнкты. Капитан спросил:

– Ну, как?

– Пока ничего интересного, – ответил адъюнкты. – Нет, даже совсем нет ничего!

– Да, это верно, – сказал капитан. – Здесь только камни да ягель.

– А вот Орлов говорит, – сказал адъюнкты, – что здесь раньше водились мамонты.

– Да, водились, – подумав, сказал капитан. – Но очень давно! Здесь же, в этих краях, раньше было тепло, как на киргизской линии. А потом вдруг стало холодать, трава стала жухнуть, есть им стало нечего, и они все вымерли.

– А говорят, – сказал адъюнкты, – что кое-где они выжили.

– Ну, – нехотя ответил капитан, – я про такое тоже слышал. Это что будто есть одно такое место в чукочьей стороне, где бьют горячие ключи, так там и сейчас тепло, и там и зимой есть их трава, вот они там и пасутся. Но теперь они очень пугливые! Чуть что, они сразу в пещеру нырь, и не найти их там. Люди ходили туда, в ту пещеру, искали. Нашли только кости.

– А ты там был? – спросил адъюнкты.

– Нет, конечно! – сердито сказал капитан. – Это же уже не наши земли!

– Ну, посмотрим, посмотрим, – сказал адъюнкты задумчиво. – Посмотреть это всегда нелишне.

И на этом их тот разговор закончился, потому что пришла Матрёна и сказала, что обед уже накрыт. Капитан пошёл к себе. Ел, ничего не говорил, смотрел только в миску. А когда поел, то так и не встал из-за стола, а продолжал сидеть, поглядывая то на икону, то в окно. Степанида настороженно молчала, боялась о чём-либо спрашивать. Вдруг капитан сам спросил, чего бы она больше всего хотела. Степанида покраснела и ответила:

– Я не знаю.

– Вот! – строго сказал капитан. – А о чём ты тогда молишься?

– Я за тебя молюсь, – сказала она тихо.

Капитан смотрел на неё и молчал. Потом встал, сходил к стене, взял с полки коробку шахмат, принёс её и высыпал на стол, и замер. Потом медленно расставил шахматы, начал ходить. Сделал два хода и остановился. Вспомнился ему Иван Иванович, тот ссыльный, который два года у них столовался, потому что был такой приказ. И это были его шахматы, это он их с собой привёз. Капитан, правда, и раньше играл в шахматы, и тоже хорошо это умел, но Иван Иванович его много чему научил в шахматах. Времени-то было у них предостаточно! Зимой, бывало, как сядут играть сразу после обеда, так и играют до ночи. И Иван Иванович почти всегда молчал, а если что и говорил, то всегда кратко и к месту.

– Вот это, – например, он говорил, – не тура, а ладья. И это не королева, а визирь. Не офицер, а слон. То, как ты их именуешь, это французская манера, а шахматы – это игра, пришедшая к нам из Персии, поэтому и фигуры здесь должны быть персиянские! – И замолкал. А через пять минут вдруг продолжал: – Хотя ещё правильнее было бы называть сии фигуры на наш собственный манер. Тогда вот это будет не король, а государыня. А это не визирь, а Бирон. А это Остерман, это Долгорукие, это Миних. А это пешки, их много, и эта, наверное, я, ваш покорный слуга. А ты даже в пешки не выбьешься! Так и будешь здесь всю жизнь торчать, на краю света! А хочешь, выведу тебя в слоны? Нет, даже в мамонты! Слоны здесь не приживутся, а мамонты смогут, если их кормить как следует. И поить водкой для сугреву, как меня!

И он засмеялся, и налил себе и капитану. Но капитан пить не стал. Иван Иванович выпил своё, утёрся и сказал...

Ну да и мало ли чего он говорил? Теперь всего и не упомнишь. Много чего всякого он говорил тогда за шахматами, и после всё это можно было повторить кому надо. Этот кому надо однажды приехал на четырёх нартах с солдатами и, в приватной беседе, спрашивал у капитана, может, тому есть что передать для следствия, но капитан сказал, что нечего. Почему он так ответил, он не знает, а вот ответил, и всё. И теперь так, как и предсказывал Иван Иванович, он здесь и торчит. А что сам Иван Иванович, что стало с ним дальше, никто не знает. Может, его и в самом деле начали именовать господином бароном, как он отъезжая загадывал, или он опять Иван Иванович, а то и арестант номер такой-то, кто знает?! Да хотя какая разница, подумал капитан, у каждого своя голова на плечах и своя планида в небе. Капитан вздохнул, поднял голову...

И увидел Степаниду, которая стояла посреди горницы и смотрела на него. Глаза у Степаниды были большие-большие и блестящие-блестящие. Капитан встал, подошёл к ней, обнял и так и замер. Стало хорошо.

Глава 6

И в субботу, 23 апреля, на Егория Вешнего, в этот день у них в деревне в первый раз после зимы коров в поле выгоняют, думал капитан, а здесь какие коровы, здесь только одни мамонты, и те в болоте утопленные... Да, так вот: в субботу адъюнкты опять пошёл на полевую практику, потому что Шалаурова опять в съезжей не было. Ну и адъюнкты как ушёл, так и никак не возвращался. Капитан сильно злился, потому что в эту субботу он загодя назначил банный день, а то и без того прошлую субботу пропустили из-за приезда гостя, так хоть теперь не оплошать бы, думал капитан, мы же не медведи, чтобы по полгода не мыться! И, что ещё очень важно, тут нужно, чтобы всё было вовремя, потому что чуть позже войдёшь, и пар уже не тот. А адъюнкты всё не возвращался и не возвращался! Капитан уже дважды поднимался на ворота в башенку, смотрел в поле, но ничего не мог высмотреть – и опять послал Меркулова. Меркулов опять ходил не меньше получаса, а когда вернулся, то сказал, что адъюнкты велел его не ждать. Вот где собака, думал капитан, ну как с таким иметь дело?!

И плюнул, и пошёл вместе с солдатами. Попарились на славу. Истрепали ползапаса веников, вылили почти полведра кваса, камни лопались! Вышли, хватанули по чарке, закусили квашеной рыбкой, ещё выпили...

А адъюнкты всё не приходил и не приходил! Ну да это была уже его беда. И, мало этого, капитан её усугубил – велел, чтобы теперь шла Степанида с бабами. И те пошли, тоже попарились, и тоже вволю. И вот только когда они оттуда вышли, вернулся адъюнкты. Он был задумчивый, мрачный. Капитан сказал ему со смехом, что пока он прохлаждался в поле, пар кончился. На что адъюнкты совершенно спокойно, нет, даже безразлично ответил, что ему это неважно, что только была бы тёплая вода и он помоемся в чане.

– Да как это так?! – удивился капитан. – Ты что, совсем онемечился?

– Нет, – ответил адъюнкты, – я не онемечился, а у меня от жаркого духа сердце стучит, вот я и не парюсь.

– Немец! – строго сказал капитан. – Может, ты после бани ещё и не пьёшь?

– Да, и не пью, – сказал адъюнкты.

Тогда капитан, уже ничего не прибавляя, просто сказал Орлову, чтобы тот присмотрел за адъюнктом, или, как он его назвал, за нашим гостем, а сам взял с собой Черепухина... а тут ещё прибежал казачок, принёс ведёрко двойной водки из питейной, – и капитан пошёл с солдатами и с Черепухиным в казарму. Там к тому времени стол был уже накрыт, и они сразу сели. И сидели часа два, не меньше, было очень весело, потом Костюков играл на ложках, Меркулов ему поддудукивал, а остальные пошли плясать русского. Капитан, уже прилично выпивший, радостно смотрел на них и думал, что как жаль, что государыня не видит их!

Ну а потом, когда ещё сильнее зашумело в голове, капитан сказал, что у него дела, оделся и пошёл домой. Шёл, улыбался, вспоминал, как ему было свободно, легко, весело, никто перед ним не умничал, все говорили простые слова, а вот сейчас он ещё придёт к Стёпке, а она после бани всегда бывает румяная, грудастая, от неё пахнет банными берёзовыми вениками, да и сама она...

Ну и так далее. Капитан остановился возле крыльца, набрал пригоршню снега, умылся, вошёл в дом и увидел, что Степанида стоит, к нему спиной, на коленях, и молится.

– А сейчас о чём загадываешь? – спросил капитан подвыпившим весёлым голосом.

Степанида обернулась на него, лицо у неё было румяное, вся она вот здесь была пышная, дородная, у капитана аж дух захватило... А она покраснела и ничего не ответила. Опять про своё про бабье, сердито подумал капитан, а кто виноват, сама и виновата, а теперь что, теперь терпи как есть, теперь только и осталось что молиться!

И Степанида отвернулась от него. Капитан прислушался – она что-то шептала. Эх, только и подумал капитан, какая же она упрямая! А вот бы послушалась его, и всё было бы в порядке! И ведь говорил он ей, и говорил не раз, чтобы она съездила на Рождество в Анадырск. Там церковь веселей, чем здешняя, церковь с попом, отцом Лазарем, и отец Лазарь дал бы ей просвиру, а ведь как замечено, кому он просвиру даст, та сразу понесёт! Почти всегда! Но Степанида не поехала, потому что был недобрый слух, будто Хыпаевы, или как там его правильно, ну да и ладно, пусть будут Хыпаевы люди, заворовали и вырезали ясачную команду, которая к ним в стойбище пришла, и сбежали, и всем говорили, будто это не они, да только Дмитрия Ивановича разве обманешь? Дмитрий Иванович сразу сказал, что это они и чтобы другие стереглись, вот Степанида и не поехала в Анадырск, не получила просвиру и не понесла, а теперь стоит и молится, дура последняя, в сердцах подумал капитан, но вслух ничего такого не сказал, а, наоборот, весь вечер был тихий, послушный, да и потом, ночью, ага...

Ну и так далее. То есть назавтра утром, в воскресенье, капитан встал, побрился и позавтракал, сходил к своим на построение, все они были бодренькие, свежие, подняли прапор, сходили в церковь, капитан прочёл часы, вышли из церкви, он дал им на водку, и они ушли в питейную.

А капитан вернулся в дом. Степанида, румяная и улыбающаяся, распоряжалась, Матрёна слушалась и негромко покрикивала на девок, из печи несло жаром и духом, капитан сидел у стола и читал календарь, тоже подарок Ивана Ивановича.

Потом капитану велели уйти. Он ушёл, зашёл в съезжую. Там уже сидели адъюнкты с Черепухиным. Адъюнкты были в бархатном малиновом кафтане, на шее у него был бант, а на откидных полах здоровущие серебряные пуговицы. Вот чёрт какой, сердито подумал капитан, это же тащил из Петербурга, это же сколько тысяч вёрст собаки надрывались, а ради чего?!

И день был испорчен. Не помогло уже потом ни то, что адъюнкты проиграл в шахматы, тем более нарочно, ни то, что Черепухин рассказал очень весёлую историю про попадью, ни даже то, что Степанида совсем не смотрела в адъюнктову сторону, а всё больше только в капитанову, и вот так моргала, и...

Ну и так далее.

Да, и ещё: а Шалауров опять не пришёл.

Пришёл он уже только назавтра, в понедельник, сразу в съезжую. И привёл с собой Софрона Пальцева, известного на весь Нижнеколымск мастера по плотничьему, столярному и лодочному делу. Привёл, а представлять не стал. Софрон остановился при пороге и с достоинством молчал. Да капитан его и так узнал, Софрону было лет под пятьдесят, он был невысоким ростом, жилист и приметлив. Он и сейчас, посмотрев на сидящих, чему-то своему кивнул. Но ни словечка не сказал!

– Софрон Пальцев? – спросил капитан, улыбаясь.

– Он самый, – кратко ответил Софрон.

А Шалауров сразу зачастил:

– Вот, господа хорошие, прошу любить и жаловать: это наш здешний мастер и профессор всех нужных наук, Пальцев Софрон Лукьянович! Он всё умеет – построить, разобрать и опять построить, но уже по-новому. Вот я и думаю взять его к себе в долю, чтобы скорее дело шло, чтобы пока господин лейтенант морской службы к нам приедет, у нас бы всё уже было готово в наилучшем виде.

Адъюнкты посмотрели на Софрона. Софрон в ответ посмотрел на адъюнкта. Адъюнкты усмехнулись и спросили:

– Так говоришь, всех наук?

На что Софрон слегка нахмурился и вполне с достоинством ответил:

– Про все науки не скажу, но за которые брался, те освоил.

– И чертежи? – спросил адъюнкты.

– И чертежи, – сказал Софрон.

Адьюнкт посмотрел на капитана, капитан кивнул. Адьюнкт порывлся по столу, вытащил один из чертежей и подал Софрону. Тот взял его, начал рассматривать. Адьюнкт не удержался и сказал:

– Ты его боком держишь.

– Мне так удобнее, – сказал Софрон, продолжая держать как держал. Потом сказал: – Это стоячий такелаж. Почти как на галерах.

– А ты галеры видывал? – спросил адьюнкт.

– Я на них ездывал, – сказал Софрон и, усмехнувшись, прибавил: – Три года.

– Это хорошо! – сказал адьюнкт. – Значит, ты это дело знаешь. А вот это что такое? – и показал второй чертёж.

– Это шпангоуты, – сказал Софрон. – Это суть корабельные рёбра.

– А это?

– Это парусные рифы. Их берут...

– Ладно, ладно! – перебил его адьюнкт. – Это уже не наше дело. Наше дело собрать две дупель-шлюпки. Или, для начала, хотя бы одну. С тем расчётом, что лейтенант Лаптев раньше Троицына дня с места не сдвинется, ибо раньше льды пустят, и так же позже Успенья его уже можно не ждать, потому что если он к Успенью не придёт, значит, застрял во льдах. Я так говорю?

– Так, – сказал Софрон.

– Сколько тебе нужно человек? – спросил адьюнкт.

– Один, – ответил Софрон и указал на Шалаурова.

Шалауров засмеялся и сказал:

– Это он про то, что мы с ним сами обо всём столкнемся. У него есть артель, все люди мастеровые, серьёзные, а у меня есть заказ, и я в их дела не лезу. До поры, конечно.

– Это правильно, – сказал адьюнкт. – Тогда и я буду так: у меня тоже будет только один человек, и это ты, Никита Павлович, – прибавил он, уже другим, очень серьёзным голосом. – И вот я говорю тебе при всех: вот эта бумага, – и тут он взял со стола большой густо исписанный лист, и продолжал ещё серьёзнее: – Видишь? Так это и есть наш подряд, я его заранее составил! И в нём сказано, что ты, Никита Павлович, обязуешься, как перед Богом, поставить мне первую дупель-шлюпку до Петрова дня, и это ещё девять недель. А про вторую мы после отдельно подпишем. И про маяк и про казармы тоже. Согласен?

Шалауров собрал бороду в кулак, помолчал, потом сказал:

– Согласен.

– Черепухин! – окликнул адьюнкт. – Дай перо!

Черепухин дал перо, чернильницу. Адьюнкт к первому листу взял второй, при этом прибавив:

– Оба идентичной силы.

Шалауров прочёл один лист, расписался, прочёл второй, расписался ещё раз. Потом адьюнкт два раза расписался, потом капитан – предварительно прочтя, конечно. Потом оба листа адьюнкт скрепил командорской печаткой, и один лист взял себе капитан, а второй Шалауров.

– Дело сделано! – сказал адьюнкт, повернулся к двери и громко окликнул: – Эй!

Вошёл Орлов, вынес на подносе пять полушкаликов, так называемых напёрсточков.

– С богом! – строго сказал капитан.

Все дружно выпили и поклонились друг другу. После чего адьюнкт сказал:

– Ну что, теперь пора и верфь закладывать. А она у нас будет, конечно, на пристани. Прошу!

Они собрались, вышли из крепости, а там и дальше, к реке. А Нижнеколымск тогда, если кто помнит, стоял не на самой Колыме, как сейчас, а на так называемой Стадухинской протоке.

И лёд там тогда, в конце апреля, был ещё крепок, так что об открытой воде думать было ещё рано, и пока они ходили туда-сюда вдоль пристани и мерили на глаз, шагами. Шалауров диктовал, адъюнкты записывали. Черепухин вбивал колышки, капитан вычерчивал чертёж. Потом им туда же принесли обед, они перекусили и ещё померили, продрогли и пошли обратно. Вернулись в съезжую, и Шалауров говорил, что место рассмотрено вполне приличное, но всё равно там надо будет устроить караул, и содержать его со всей строгостью. Капитан рассердился, сказал, что нестрогих караулов не бывает. Потом пришёл вызванный Шалауровым купец Яков Парамонов, у которого они, по совету Шалаурова, собрались купить доски. Парамонов просмотрел так называемый реестр и сказал, что всё такое у него имеется и в наилучшем виде.

Правда, когда они пришли к нему назавтра и он показал свои запасы, то капитану они не понравились, так как доски были не досушены. Но Шалауров не давал слова сказать – бессовестно врал, расхваливал, адъюнкты с ним не спорили, и капитан вскоре махнул рукой, и доски были куплены. То есть пока что оформили на них купчую с условием, что, как раньше было оговорено, потом Шалауров поедет в Якутск и там в воеводской канцелярии получит деньги. А Нижнеколымску это не будет стоить ни копейки, радостно заявлял Шалауров, и Черепухин согласно кивал. Но как только Шалауров вышел, Черепухин сердито сказал, что эти доски никакие не Парамоновские, а Шалауровские, и Шалауров их сам у себя покупает, а Парамонов получает отступные.

– Так чего ты, скотина, раньше об этом ничего не сказал? – сердито спросил капитан.

– Не уверен был, – ответил Черепухин. – Да и как ты его за руку схватишь? Никак! А торг провалится, и потом никто другие не придут и ничего не предложат, тогда как? Совсем без досок оставаться, что ли? И этот змей будет похмыкивать, а про меня все будут говорить, что это всё из-за меня, что это я всю навигацию расстроил!

Капитан посмотрел на адъюнкта. Адъюнкты, помолчав, сказали:

– Доски как доски. Если бы всё дело было только в досках.

– А в чём ещё? – спросил капитан.

Но адъюнкты ничего не ответили, а только махнули рукой. Так же и ссыльный Иван Иванович, вспомнил капитан, бывало, начнёт что-нибудь говорить, а потом вдруг замолчит и только рукой махнёт. Это у них в Санкт-Петербурге, наверное, мода такая, подумал капитан, и уже больше ничего не спрашивал.

И, более того, когда назавтра, во вторник, Шалауров, скривившись, сказал, что так как доски ему показались не очень добротные, то надо их ещё купить, в запас, – капитан спорить не стал. Также он не спорил и тогда, когда они ходили к третьему купцу покупать брёвна и жерди для стоячего такелажа, и там опять брали с запасом и втридорога. И парусину в среду брали не скупясь. А потом, в четверг, договаривались с кузнецом Силой Мокеичем, и там тоже загибались сумасшедшие деньги, и капитан опять молчал, а Степанида ночью говорила:

– Правильно! Гори они здесь все огнём! Надо уезжать отсюда, Вася! А будешь цеплять их, они станут на тебя писать, а нам это разве надо?

И капитан ответил, что не надо. А на верфи, то есть на пристани, уже заложили киль и начали ставить шпангоуты. Софрон Лукьянович похаживал туда-сюда, покрикивал на работников, грозился матерно – и дело двигалось.

А в пятницу, уже под вечер, приехал, правильнее, прибежал посыльный от Илэлэка, то есть от того юкагирского князька (тойона), который единственный во всей Нижнеколымской ясачной волости до сих пор не заплатил ясак. А вот теперь прибыл от него посыльный на собаках, весь в грязи, потому что снега уже мало где осталось, а везде всё больше была непролазная грязь, вот посыльный и бежал почти всё время рядом с нартами, а в самих в нартах не сидел. Но всё равно собаки выбились из сил, и поэтому как только он остановился, они сразу легли прямо посреди двора. Гуськов чуть отогнал их в угол, а Черепухин позвал капитана. Капитан неспешно вышел на крыльцо и также неспешно спросил, что случилось. Посыльный снял перед

ним шапку и начал рассказывать, что Илэлэк уже близко, завтра к полудню будет в крепости, и с ним весь ясак, всё как в бумаге было сказано, и даже больше.

– Как это больше? – спросил капитан.

– Я про это не знаю, – ответил посыльный. – Я человек простой, мне что сказали, то я повторил, и всё.

Капитан велел, чтобы посыльного накормили как следует, а сам пошёл в съезжую и там сказал Черепухину, чтобы тот позвал Ефимова – того самого казака-десятника, который зимой ездил к Илэлэку и обновлял там ясачный список. А теперь Ефимов пришёл в съезжую, капитан достал тетрадь, они вдвоём ещё раз перепроверили список, пересчитали, сколько должно быть всего соболей, получилось сорок семь, потом капитан строго спросил, куда подевались ещё два стойбища, а это ещё два по десять, на что Ефимов сказал, что не знает. Капитан настаивать не стал, а только просто сказал, что укрывательство казённой прибыли – это то же самое, что воровство из казённого сундука. И показал на сундук. Но, тут же прибавил он, у Ефимова ещё есть время одуматься до завтрашнего дня, а пока что он может идти.

И Ефимов ушёл. А капитан весь оставшийся вечер был задумчив, дома ужинал без всякого аппетита, спал очень чутко, ворочался... Да у него всегда так бывало перед такими приездами, а после всегда сразу отпускало, вот он и не обращал на это внимания.

Глава 7

А зря. Потому что Илэлэк в субботу так и не появился – ни в обед, ни к ночи. Илэлэковского посыльного, привели в съезжую, и там капитан его лично допрашивал и всячески пугал, но посыльный, а его звали Подолча, продолжал твердить, что Илэлэк и в самом деле должен был уже приехать, а что с ним могло приключиться в дороге, откуда теперь знать?

– В тундре всякое бывает, – говорил Подолча. – Остроголовый старик никого не жалеет, а кого задумает, того сожрёт.

– Ладно, ладно! – сказал капитан. – Иди пока что. Но если твой тойон и завтра не объявится, я тогда лично пойду по твоему следу и всё разузнаю!

Подолчу увели и заперли, где надо. А капитан весь день ходил задумчивый, и так же задумчивый был в бане, и так же задумчивый дома за ужином. И уже только назавтра, в воскресенье, в церкви, когда капитан вёл службу, дверь вдруг открылась, показался Черепухин и сказал, что Илэлэк приехал. Капитан сказал, что пусть немного подождут, и продолжал читать. А самому ему уже, конечно, прости, Господи, ничего в голову не лезло! Но дочитал главу, вывел солдат, велел взять под курок и пошёл к парадному крыльцу.

Там уже и в самом деле стояло несколько собачьих нарт, вокруг них толпились юкагиры с копьями и только один наш Синельников с ружьём. Синельников что-то говорил Илэлэку, тот кивал. Синельников был на это ловкий, он и по-юкагирски знал, и по-корякски, и даже по-чукочьи, правильнее, по-луораветлански, вот, чёрт ногу сломит, подумал капитан, выходя из-за угла к крыльцу. За капитаном следом шли солдаты с ружьями наперевес. А тут ещё в ворота стали заходить казаки. Где они были раньше, спрашивается, сердито подумал капитан, но тут же сразу улыбнулся и сказал, обращаясь к Илэлэку:

– А ты всё толстеешь! Какой молодец! Приятно на тебя смотреть!

Илэлэк и самом деле был не сказать чтобы худой, да и одет он был богато, если судить по-юкагирски. То есть на нём была новенькая оленья кухлянка, густо расшитая блестящим бисером, и высокая бобровая шапка. Но Илэлэк был не из тех, кто любил похвастаться, потому он в ответ на капитанские слова только покачал головой и сказал без всякой радости:

– Э, тебе бы только посмеяться! Какой я молодец? Из меня уже труха сыплется, старый я стал, глухой.

– А! – продолжил капитан. – Вот почему ты так долго сюда не являлся! Не слышал, как я тебя жду! А я ещё вчера думал тебя увидеть.

– Вчера никак нельзя было приехать, – сказал Илэлэк. – Недобрые люди за нами увязались, пришлось долго плутать по болоту. И если бы не помощь добрых духов, не встретились бы мы с тобой сегодня. И не было бы чем тебя порадовать. А так покажите!

Это он уже прибавил для своих людей, и одни из них сразу расступились, а другие взяли с нарт большой сыромятный мешок и протянули его Илэлэку. Но Илэлэк его не взял, а только знаком показал держать его возле себя. И люди держали. Капитан спросил:

– Что это?

– Наш ясак, – ответил Илэлэк. – А что ещё тут может быть?

– Э! – на растяжку сказал капитан. – Какой ещё ясак в конце апреля? Ясак привозят в январе, как все твои приятели-тойоны сделали. Вот тогда ясак был нужен, когда здесь везде дороги были крепкие, мы его тогда сразу собрали весь вместе, и наши люди повезли его в Якутск. А сейчас он едет ещё дальше, вначале по Лене-реке, а потом через Камень-горы приедет к нашей великой царице. Царица получит его и будет радоваться, а потом пересчитает и начнёт спрашивать, а почему это не весь ясак привезен, где ясак от Илэлэк-тойона? Что ей отвечать?

Тут капитан даже осмотрелся по сторонам, как бы ища ответа у собравшихся. Но ответил опять Илэлэк:

– А ты ей скажи, что зима была сильно снежная, снег выпал глубокий, соболь далеко ушёл, стрелять его было немочно.

– А почему другим было мочно?

– Другие молодые все.

– Тогда зачем ты в этой шапке ходишь? Отдай её тому, кто помоложе, пусть командует.

– Э! – тихо засмеялся Илэлэк. – Так нельзя! Остроголовый старик обидится. Он не любит, когда кто-то за него его работу делает. Когда время придёт, оно всё само собой сделается, а пока я буду ходить в этой шапке и приносить тебе ясак. Эй! Покажите!

Это он уже опять обратился к своим людям, и там двое из тех, которые держали мешок, выступили вперёд и протянули его капитану.

– Нет! – строго сказал капитан. – Это не мне дары, а это нашей государыне, нашей великой царице и владычице, а также владычице неба и земли, и рек и морей, и лесов и тундры!

Тут он поклонился, распрямился, достал из-за пазухи связку ключей и бросил их Черепухину. Черепухин их ловко поймал, развернулся и пошёл к съезжей. Капитан пошёл за ним, а за капитаном Илэлэк и двое его людей с мешком, а уже за ними шли Синельников и Тарантуй, и оба с ружьями. Солдаты остановились на крыльце, а Илэлэковы люди только занесли туда мешок и сразу вышли обратно, так что в съезжей остались только капитан, Илэлэк и Черепухин.

И дальше там было вот что: капитан подошёл к мешку, лежащему на столе, и посмотрел на Черепухина. Черепухин достал нож и подал его Илэлэку. Илэлэк приставил нож к губам и что-то прошептал, и уже только после этого наклонился к мешку, перерезал кожаный шнурок и осторожно его вытащил. Мешок раскрылся. Илэлэк поднял мешок и начал аккуратно, медленно вытряхивать из него соболиные шкуры. Стол стоял возле окна, в окно светило солнце, шкуры соскальзывали на столешницу и переливались на ярком свету. Черепухин, не сдержавшись, облизнулся. Капитан строго сказал:

– Тетрадь! И тавро!

– Вот они! – ответил Черепухин.

Капитан кивнул, не отводя глаз от мешка. Из мешка, шкурка за шкуркой, ползли соболя. И вдруг выскользнула беличья шкурка, вторая, третья.

– Э! Стой, стой! – воскликнул капитан. – А это что ещё такое?

– Это белки, – сказал Илэлэк. – Я же говорил: зима была снежная, соболь ушёл далеко, а белка посмотри как бита! Прямо в глаз!

– Не в глаз, а тупой стрелой, томаром, – сказал Черепухин.

– И соболь – три рубля, а белка – два алтына, – прибавил капитан. – За одного соболя пятьдесят белок. Вот только зачем мне белки?! Я же говорил: не надо белок! И песцов не надо. Надо только соболя! А у тебя их здесь сколько?

Илэлэк подумал и сказал:

– Должно быть сорок и ещё семь.

– Вот, – улыбаясь, сказал капитан. – Это правильно. Илья, считай!

Черепухин положил мешок, Илэлэк сел к столу. Черепухин начал считать соболиные шкуры. Считал, пересчитывал, макал тавро в чернила, припечатывал, раскладывал по кучкам, по сортам, и всего насчитал тридцать восемь.

– И это всё? – спросил капитан.

Илэлэк вздохнул и развел руки.

– И восемь белок, – сказал Черепухин. – И два горностая. Три горностая – один соболь. И там ещё что-то есть. Большое!

С этими словами он опять полез в мешок, долго нащупывал... и вытащил шкуру чёрной лисы. То есть это была не привычная чернобурая, а в самом деле совершенно чёрная лиса, на

которой от носа до кончика хвоста нигде не было ни единого серебряного волоска. Черепухин провёл ладонью против шерсти. Ость чёрная, отметил капитан, подпушье тоже чёрное, густое. Черепухин повернулся к окну, поднял шкуру и встряхнул её. Мех заиграл, унялся. Черепухин посмотрел на капитана. Капитан сухо сказал:

– Одна царская лиса – пять соболей.

Черепухин согласно кивнул, посмотрел на Илэлэка. Илэлэк молчал. Черепухин вновь полез в мешок и, одну за другой, вытащил ещё две чёрных царских лисы. Они были одна краше другой. Капитан долго молчал, потом спросил:

– Сколько всего?

– Ну, – поморщившись, ответил Черепухин, – восемь белок и два горностаю – это один соболь. И три чёрных царских лисы – это ещё пятнадцать соболей. И тридцать восемь здесь. Всего пятьдесят четыре. А надо было сорок семь. Но! – тут же продолжил Черепухин. – Это если считать три стойбища, тогда сорок семь. А если ещё два, которые откочевали, тогда должно быть ещё двадцать соболей, то есть всего шестьдесят семь, а здесь только пятьдесят четыре, значит, ещё тринадцати не хватает. Так?

И с этими словами он сперва посмотрел на капитана, а потом на Илэлэка. Илэлэк жевал губами и молчал. Потом сказал:

– Это неправильно. Почему я должен платить за тех, кто от меня убежал? Это они должны платить за меня! Это очень недобрые люди! Они обманули меня! Они взяли моих собак, они взяли мои лодки, они взяли моих оленей, они взяли мои запасы... А теперь я должен за них платить! Разе это справедливо? Разве ваша великая хозяйка, которая живёт далеко-далеко за Великим Камнем-горой...

– Хорошо, хорошо! – перебивал его капитан. – Возможно, мы и неправы. Возможно, прав ты. Сейчас мы это узнаем! – И он окликнул: – Синельников!

В дверь заглянул Синельников.

– Синельников! – строго сказал капитан. – Позвать сюда Герасима Ефимова, и срочно!

Синельников кивнул и закрыл дверь. Илэлэк молчал. Потом спросил:

– Что это за человек, которого вы сюда позвали?

– Сейчас ты это узнаешь, – сказал капитан.

И набил трубку, закурил. Курил, поглядывал на ворох шкур. Илэлэк больше ничего не спрашивал, и Черепухин тоже.

Наконец открылась дверь, и вошёл Ефимов, тот самый казак, который ездил к Илэлэку и составлял у них ясацкий список. Илэлэк сразу узнал Ефимова, поморщился. А капитан как ни в чём ни бывало сказал:

– Вот что, Ефимов. Рассказывай всё как было, лучше будет.

– Так чего рассказывать, ваше благородие!?! – неуверенно сказал Ефимов. – Вы и так всё знаете.

Капитан повернулся к Илэлэку. Илэлэк вздохнул и начал говорить:

– Иногда получается так, что хочешь сказать одно, а говоришь другое. Так сегодня было и со мной. Но теперь такого больше не будет, только пусть вначале этот человек выйдет отсюда.

Капитан кивнул, Ефимов вышел. Илэлэк продолжил:

– Мы не юкагиры, как вы везде пишете, а мы народ вадулы, вот как правильно, и это означает могучие. Вадулы делятся на шесть родов, наш род называется омоки, что значит здесь наш дом. Всего нас, омоков, шесть племён, и наше племя – Дети Чёрной Выдры, я их алдье, по-вашему тойон, и так в каждом племени по своему алдье. А раньше, как в песнях поётся, у нас, у омоков, был один главный, верховный алдье, но после он умер, а нового мы никак не выберем. Теперь каждый кочует куда захочет, это очень плохо, это наша слабость, и я, Илэлэк, просто алдье, алдье племени Детей Чёрной выдры. Нас пять стойбищ, три стойбища остались со мной, а два стойбища ушли, потому что мы посчитали, что нам не собрать весь ясак от всех

пяти стойбищ, вот я их и отпустил, и вот они ушли. Но если ты, Большой Капитана, как мы тебя называем, если ты из-за этого так сильно гневаешься, то я готов признать, что мы недоплатили тебе и твоей владычице тринадцать соболиных шкур, запиши их мне в остаток.

Капитан и Черепухин переглянулись, капитан ещё подумал и сказал:

– Ладно, Илья Ильич, иди и начинай укладывать, а я тут пока что напишу ему отписку. Чистую! Иди!

Черепухин усмехнулся, вышел, а капитан взял новый лист, начал записывать:

Нижеколымская волость, Черновыдринский улус, а в нём князец Илэлэк со товарищи – сорок два человека. А по окладу с них поминки – пять соболей, да ясаку сорок девять соболей. И в то число взято поминок: пять соболей, да ещё ясаку тридцать три соболя и восемь белок, два горностая и три чёрных царских лисы – эти все за ещё шестнадцать соболей. По окладу поминки и ясак сполна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.